

Игорь РОДИНКОВ

Уроки Смутного времени

16+

Игорь Аркадьевич Родинков

Уроки Смутного времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39291586

SelfPub; 2018

Аннотация

В начале XVII века на русскую землю опять пришло лихолетье, которое историки назвали Смутным временем. Оно было вызвано грехом убийства царевича, и усилилась грехом клятвопреступления всего народа, а закончилась, когда русский народ возревновал в вере и покаялся в своих грехах. Какова психология Смуты, в чем ее уроки – об этом говорится в этом произведении. В нем последовательно изложены события от убиения царевича Дмитрия до Земского собора 1613 года. В конце подводятся нравственные и политические уроки Смуты. Обложка оформлена автором.

История России – это своего рода вторая библейская история, в том смысле, что она поучительна. В ветхозаветные времена Бог сказал своему избранному народу: «Если будете бояться Господа и служить Ему и слушать гласа Его, и не станете противиться повелениям Господа, то будете и вы и царь ваш, который царствует над вами, ходить вслед Господа, Бога вашего. А если не будете слушать гласа Господа и станете противиться повелениям Господа, то рука Господа будет против вас» (Первая книга Царств, гл. 12, ст. 14-15). Русь, после Крещения, стала уделом Божиим, а русский народ, как народ богоносец, воспринял всю полноту богоизбранничества. Господ покровительствовал русскому народу, когда тот благословлял Его и следовал Его заповедям, и наказывал его, когда русский народ уклонялся от пути Божьего. «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся», – говорит Господь (Откровение святого Иоанна Богослова, гл. 3, ст. 19).

Русская смута начала XVII века была вызвана грехом царевице убийства и усилилась грехом клятвопреступления всего народа, а закончилась она только тогда, когда русский народ возревновал в вере и покаялся в своих грехах. Какова психология смуты, в чем ее уроки? Об этом мое научно-популярное исследование.

Пятнадцать лет, последовавшие после смерти царя Федора Иоанновича, известны в русской истории под названием Смутного времени. Можно их ограничить и десятью годами от появления первого самозванца до избрания на царство Михаила Федоровича. Это был период русской истории, когда никто из царей не мог долго удержаться на троне, когда были голодные годы и народные бунты, целая череда самозванцев и прямая польско-шведская интервенция. Как писал историк и краевед И.П. Сахаров: «Забыты были знамена любезного Отечества и Святой веры. Россия сделалась вертепом разбойников и игрой буйной черни. Тогда россиянин не думал о России и безнадежно стремился в Польшу, преклонить раболепно колено перед гордыми ляхами». Многим тогда казалось, что Россия погибла, что русский народ и Русское государство будут уничтожены внутренней смутой и агрессией с Запада. Но вот по Божьей милости Смутное время прошло, на царский престол взошла новая династия Романовых, и Россия вновь возродилась из пепла и задышала новой полнокровной жизнью.

Меня всегда волновало, что было причиной появления Смуты в Русском государстве. Ведь в начале XVII века вопрос стоял прямо: быть или не быть Русскому государству, Православной вере и русскому народу. Это был второй, но, к

сожалению, не последний критический момент в русской истории. Первый был явлен в XIII веке страшным монголо-татарским нашествием и вторжением крестоносцев.

Некоторые историки полагали, что Смута стала последствием «тиранического правления Ивана Грозного», она якобы была спровоцирована опричниной, затянувшейся Ливонской войной, рядом неурожайных лет, несовершенством административно-государственного управления и т. д. Но это скорее поводы, чем причины. Прав был митрополит Иоанн Снычев, когда говорил, что *причина Смуты лежит в первую очередь в духовной сфере*, и ее причина, как в и годы татарского ига заключалась в грехопадении русского народа и его вождей. «Смута есть искушение, посылаемое соборной душе народа как дар, как мученический венец, дабы предоставить ему возможность явить силу своей веры, верность родным святыням и крепость духа перед лицом соблазнов и искушений, скорбей и недоумений, злобных нападков и разрушительной ненависти», – писал Иоанн Снычев.

Несостоятельны также мнения о том, что причину смуты надо связывать с установлением крепостного права. Ведь крестьяне в течение всего этого бурного периода ни разу самостоятельно не поднимали знамени восстания в защиту своих интересов. Как писал К. Валишевский: «Смута не была революционным движением какого-нибудь класса: в ней участвовали все классы».

У Смуты был свой первоначальный толчок, а потом, по

мере развития, она подпитывалась новыми грехопадениями. *Первоначальным толчком Смуты стал грех убийства царевича Димитрия* – младшего сына царя Иоанна Грозного 15 мая 1591 года. Я говорю именно убийства, потому что версия его случайного самоубийства (якобы сам зарезался ножичком в припадке падучей болезнью) не выдерживает никакой критики. Давайте же вспомним, как это было.

Феодор Иоаннович в силу склада своего характера был царем только по имени. Настоящим правителем государства стал его шурин Борис Годунов. Он уже с первых недель царствования Феодора Иоанновича через свою сестру Ирину, жену Федора, добился удаления Нагих из столицы в Углич. На тот момент царевичу Дмитрию, сыну Иоанна Грозного и Марии Нагой, было два года. Мария Нагая была седьмой, незаконной с церковной точки зрения, женой Ивана IV. Эта была первая опала, осуществленная Борисом Годуновым. Затем в монастыри и ссылки отправились почти все его потенциальные противники, представители московского родового боярства: Бельские, Мстиславские, Воротынские, Головины, Колычевы, Шуйские, Романовы и другие. Некоторые из них расстались там с жизнью. Например, доблестный князь Иван Петрович Шуйский, защитник Пскова во время Ливонской войны, был отправлен на Белоозеро и там, по свидетельству летописца, удушен; другой Шуйский, князь Андрей Иванович, по тому же свидетельству, был удушен в Каргополе.

Как известно, Борис Годунов не принадлежал к знатным боярским родам, потомкам Рюрика и Гедемина, что, естественно, вызывало у него зависть и настороженность. Все, что он имел, было достигнуто им трудом и придворными интригами. Борис Годунов происходил из крещеных татар. Свой род Годунов вел от татарского мурзы Чета, который в XIV веке при Иване Калите поселился на Руси и принял крещение. Его внук Иван получил прозвище Годун, от которого и стали все потомки зваться Годуновыми. Отец Бориса, Фёдор Иванович Годунов, по прозвищу Кривой, был помещиком средней руки. После смерти отца в 1569 году Бориса (он родился в 1552 г.) взял в свою семью его дядя, Дмитрий Годунов. После введения опричнины и деления страны на опричнину и земщину Вязьма, в которой находились владения Дмитрия Годунова, перешла к опричным владениям. Дядя и его племянник вступили в опричный корпус. Дмитрий Годунов получил при дворе высокий чин главы Постельного приказа. Выдвижение Бориса Годунова начинается в 1570-х годах. В 1570 г. он стал опричником, а в 1571 г. был дружкой на свадьбе царя с Марфой Собакиной. В том же году Борис сам женился на Марии Григорьевне Скуратовой-Бельской, дочери Малюты Скуратова. В 1578 году Борис Годунов становится окольничим – это второй по старшинству чин после боярина. Еще через два года, после женитьбы своего второго сына Фёдора на сестре Годунова Ирине, Иван Грозный пожаловал Бориса званием боярина. Годунов был

умён и осторожен, стараясь до поры до времени держаться в тени. В последние годы жизни царя Борис Годунов обрел большое влияние при дворе. Вместе с Богданом Бельским он стал одним из приближенных людей Ивана Грозного. А при Феодоре Иоанновиче после устранения своих конкурентов Борис стал вторым лицом по табелю о рангах в государстве, а фактически первым лицом в стране.

Являлись ли в Москву иноземные послы, решались ли какие-либо дела, всегда обращались не к царю, а к Борису. Когда он выезжал из Кремля, народ падал перед ним ниц, а челобитчики подавали челобитные ему, а не Федору Иоанновичу. Он был вездесущим во всех государственных делах и, надо отдать ему должное, решал их на высоте государственной мудрости. Годунова превозносили и свои, и чужие. Даже коронованные особы искали с ним дружбы. Все наперебой льстили ему. Эта лесть не проходила даром, она зарождала зерна честолюбия в сердце Годунова. Мудрено ли было удержаться от соблазнов власти, стоя на такой высоте. Ему потакала и его жена, дочь Малюты Скуратова, не менее честолюбивая, чем сам Борис.

Наверняка Бориса и его окружение беспокоила одна мысль, что, если умрет бездетный царь Феодор Иоаннович, тогда все рухнет, власть перейдет к подрастающему царевичу Димитрию и Нагим. Уж они-то, царские родственники и злейшие враги Годунова, не преминут разделаться с ненавистным им временщиком и его ближайшим окружением.

Молодой царевич жил с матерью в Угличе, в небольшом мрачном дворце. Ему было уже около девяти лет. Мать и дядья с нетерпением ожидали его совершеннолетия. А вокруг имени царевича ходили слухи, долетавшие до ушей Бориса Годунова. Говорили, что Нагие призывали гадалей, чтобы узнать, долго ли жить Федору. Рассказывали также, что царевич склонен, подобно отцу, к жестокости, любит смотреть, как убивают домашних животных; говорили, будто бы, играя раз со сверстниками, он слепил из снега несколько человекоподобных фигур, назвал их именами главных царских бояр и стал палкой отбивать им головы, руки, приговаривая, что так будет рубить бояр, когда вырастет.

Конечно, все эти рассказы могли быть выдуманы досужими людьми, доброхотами Годунова и врагами Нагих. Но, так или иначе, они не давали покоя Борису Годунову. Вероятно, поэтому вместе с Нагими в Углич были посланы вполне преданные Годунову люди: дьяк Михайло Битяговский с сыном Даниилом и племянником Качаловым. На сторону Годунова встали также мамка царевича, Василиса Волохова, и ее сын Осип.

Но вот 15 мая 1591 года произошло событие, потрясшее Углич и всю Россию. Его свидетелями были кормилица маленького царевича Арина Тучкова, его постельница Колобова, а также соборный пономарь.

По слову «Жития царевича» дело было так. Однажды, в майское утро, мамка вывела царевича во двор. Тут подошел

к ним сын мамки, Осип Волохов, и спросил его: «Это у тебя, государь, новое ожерелье?» «Нет, старое», – ответил ребенок и поднял голову, чтобы Волохов мог лучше рассмотреть, что у него на шее. В эту минуту убийца ударил его ножом, но удар по горлу был неверен. Злодей бросился бежать. Царевич упал. Кормилица, бывшая тут же, прикрыла его собой и стала кричать. Тогда подбежали двое других убийц, Битяговский и Качалов, оттащили ее от Дмитрия и дорезали его. В это время на крик кормилицы выбежала мать Дмитрия. Она бросилась к сыну, но было уже поздно. На дворе никого не было, но соборный понамарь, бывший в это время на колокольне по соседству, видел, что произошло на дворе царского дворца, и ударил в набат. Сбежался народ. Царица сказала, что ее сын зарезан людьми, подосланными от Бориса Годунова. Тогда угличане схватили отца и сына Битяговских, Волохова и Качалова, а также и других, невинных людей, и убили их. Всего было убито 12 человек. Говорили, что перед смертью все убиенные признались, что были подосланы Годуновым.

Тело убиенного царевича Дмитрия было положено в гроб и поставлено в соборной церкви. К царю немедленно был послан гонец с ужасным известием. Но гонца сначала привели к Годунову, и тот велел взять у него грамоту и написать другую, где говорилось, что Дмитрий сам зарезался в припадке падучей болезнью. После этого наряжено было следствие, которое возглавили три человека: окольничий Лупп-Клеш-

нин, крутицкий митрополит Геласий и князь Василий Иванович Шуйский. Первые двое были сторонниками Годунова, а Шуйский – его врагом. Очевидно, Годунов рассчитывал, что осторожный Шуйский не осмелится в чем-либо обвинить его, а между тем все его недоброхоты не могли сказать, что следствие велось только друзьями Годунова.

Следствие с самого начала велось недобросовестно. Внимательного осмотра тела не было, показание с людей, убивших Битяговских и его соумышленников, снято не было, царицу тоже не спрашивали. Больше всего значения было придано показаниям нескольких сомнительных лиц, утверждавших, будто царевич зарезался сам.

Наконец высокая комиссия признала, что смерть царевича произошла вследствие того, что Дмитрий «сам накололся на ножик в припадке падучей болезни». Следственное дело было дано на обсуждение патриарха и духовенства. Патриарх признал следствие верным, сделав вывод, что смерть царевича Дмитрия учинилась Божиим судом, а убийство приказных людей: Битяговских, Качалова и других было напрасным.

После этого Нагих привезли в Москву и крепко пытали. Их разослали в заточение по дальним городам. Царица же Мария была пострижена в Выксинской пустыни, за Белоозером. С угличанами поступили с беспощадной строгостью: до 200 человек было наказано смертью или отрезанием языка; многих посадили по темницам, большинство же было сослано в Сибирь для заселения города Пелыма. Сам колокол, ко-

торым звонил в набат соборный пономарь, был отправлен в Тобольск. После этого город Углич, бывший до этого торговым и многолюдным, совершенно запустел.

Однако в народе упорно ходили слухи, что царевича сгубил Годунов. Об этом красноречиво выразился пушкинский юродивый, сказав: «Нельзя, Борис, нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит». Виновен ли Годунов в убийстве Дмитрия, как гласит народная молва, или нет – это дело то сих пор темное. Но факт, что сразу же после убийства царевича Дмитрия на Русскую землю обрушились беды, как знамения гнева Божьего. Убийство царевича Дмитрия произошло 15 мая 1591 года, а 6 июня начался страшный пожар в Москве, причем выгорел весь Белый город. А уже 4 июля 1591 года, под Москвой появились орды крымских татар Сафа-Гирея, которых с Божьей помощью удалось отбить.

От Бога правды скрыть нельзя. Обличителем и судьей часто выступает человеческая совесть. Может быть, поэтому Борис Годунов упорно отказывался принять царский венец, вручаемый ему Земским собором, после смерти царя Феодора Иоанновича. О совести, терзавшей Годунова, писал А.С. Пушкин в своем драматическом произведении «Борис Годунов»:

Достиг я высшей власти;

Шестой уж год я царствую спокойно.

Но счастья нет моей душе...

Ах! чувствую: ничто не может нас

Среди мирских печалей успокоить;

Ничто, ничто... едина разве совесть.

Так, здравая, она восторжествует

Над злобою, над темной клеветою.

Но если в ней единое пятно,

Единое, случайно завелось,

Тогда – беда! как язвой моровой

Душа сгорит, нальется сердце ядом,

Как молотком стучит в ушах упрек,

И все тошнит, и голова кружится,

И мальчики кровавые в глазах...

И рад бежать, да некуда... ужасно!

Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Избрание Земским собором 1598 года Бориса Годунова царем носит черты так называемой «управляемой демократии». И управлялась она из патриарших покоев: ставленник Годунова, патриарх Иов, напрямую влиял на избрание его царем, чем нарушал старинный принцип «Богу – божие, а кесарю – кесарево».

Это пособничество Иова не преминул заметить А.Д. Нечволодов. Он писал в своей книге «Сказание о Русской земле»: «Шуйские, после ряда его упорных отказов, подняли вопрос о том, что неприлично более его упрашивать, а надо

приступить к избранию другого царя; это и побудило Иова двинуться 21 февраля с крестным ходом в Новодевичий монастырь, подняв все чудотворные иконы. По тем же известиям, народ почти насильно сгонялся приставами для участия в крестном ходе, и эти же пристава давали ему знать, когда надо падать на колени и начинать рыдать, причем нежелающих били без милости: "Пристава понуждали людей, чтобы с великим кричанием вопили и слезы точили. Смеху достойно! Как слезам быть, когда сердце дерзновения не имеет? Вместо слез глаза слюнями мочили".

Эти известия об истинной обстановке избрания Бориса на царство, расходящиеся с приведенным выше рассказом из «Утвержденной грамоты», составленной Иовом, по-видимому, справедливы, так как Иов, в чрезмерном угодничестве Борису, не постеснялся, несмотря на свой высокий сан патриарха, прибегнуть и к явной лжи, сказав в «Соборном определении об избрании царем Бориса Феодоровича Годунова», что Иоанн Грозный на своем смертном одре обратился к Борису со словами: "Тебе предаю с Богом сына моего (Феодора Иоанновича), благоприятен буди к нему до скончания живота его; по его преставлении – тебе приказываю и царство его".

Как бы то ни было, Борис Годунов стал царем, и царем вполне законным, как избранный общеземским собором, созванном на совершенно законных же основаниях.

Но, конечно, длинный путь преступлений, лицемерия и

ложных клятв, по которому он шел для достижения престола, не мог давать ему надежды, что Господь благословит его царствование; пособничество патриарха-лжеца и влияние супруги – царицы Марии Григорьевны, дочери Малюты Скуратова, по словам Исаака Массы, женщины жестокой, с сердцем ветхозаветной Иезавели, – также не могли сулить добра. Отсутствие у новоизбранного царя истинного благородства и величия духа, столь необходимых для государей, и замена их личиной лицемерия должно было, несомненно, иметь на сердца его подданных самое развращающее влияние».

Еще будучи правителем страны в годы царствования Феодора, Годунов часто прибегал к волхованию. Особенно жаловал он какую-то Варвару, которая вместе с другими гадалками предсказала ему, что он будет царствовать, но не долго – «всего семь лет».

Но, как известно, его недолгое царствование было не столь счастливым для Русской земли, в отличие от 14 лет правления им Россией при Феодоре Иоанновиче. Благополучными с точки зрения внутреннего спокойствия были только первые два года его царствования, но его внешняя политика не была столь блестящей, как прежде.

Бедствия Русской земли начались с 1601 года. В этом году Московское государство посетил неслыханный холод, продолжавшийся целых три года. Три года подряд, начиная с 1601 г., весной и летом шли по стране проливные дожди.

Ранней осенью их сменяли заморозки, хлеба не вызревали, погибали на корню. В стране начался страшный голод. От недостатка пищи люди щипали траву и ели сено, как скот. От этого они умирали тысячами, причем иногда у мертвых во рту находили навоз. Начались случаи людоедства.

Борис старался помочь людям. Из царских амбаров в Москве началась раздача хлеба. Кроме того, он раздавал деньги на покупку хлеба. Но это только усилило бедствие. Узнав про царскую милостыню, толпы народа хлынули в Москву; сюда устремились и те, кто мог бы прокормиться на местах. От этого царские амбары быстро опустели. Прекратил Борис и раздачу денег, потому что в Москве началась спекуляция хлебом. Даже сам патриарх, имея большие запасы хлеба, придерживал его в ожидании повышения цен. От большой скученности народа в Москве началась эпидемия холеры, которая перекинулась на всю страну. По свидетельству очевидцев, только в Москве от голода и холеры умерло до 500 тыс. человек, стекшихся сюда со всей России в поисках пропитания, а всего население России сократилось на одну треть за эти три страшных голодных года.

Голод вызвал бунты по всей России. Почти на всех дорогах, ведущих к Москве, орудовали разбойничьи шайки. К югу от Москвы действовала целая повстанческая армия во главе с атаманом Хлопко, которая насчитывала до 20 тыс. человек. Бунтовщики занимались разбоем на дорогах и даже захватывали целые города. Одно время они управляли Ту-

лой. Лишь в битве под Москвой в 1604 году стрельцы окольного Ивана Басманова разбили это разбойное войско, а самого Хлопко взяли в плен, а потом повесили.

Обильный урожай 1604 года положил конец бедствию. Но последствия его были крайне тяжелыми. Кроме резкого сокращения податного и служивого населения, всеобщего обнищания, сильно упала нравственность народа, что нашло обильную пищу в таком явлении, возникшем в конце царствования Бориса Годунова, как самозванство.

Когда-то Борису Годунову было сделано загадочное предсказанье: «Убит, но жив». И вот в 1604 году в Польше объявился самозванец, некий Григорий Отрепьев, выдающий себя за чудом спасшегося царевича Дмитрия.

Появление на русской исторической сцене Лжедмитрия I, с эсхатологической точки зрения, можно рассматривать как репетицию явления Антихриста. Конечно, по своей сути Лжедмитрий I был еще далек от того ненавистника Христа и гонителя Церкви, явление которого было предсказано в Откровении Иоанна Богослова, накануне второго пришествия Христа, но это была та самая линия, из которой должен развиться настоящий Антихрист. Внешнее обаяние, учтивость, смелость, ум, решительность, умение скрывать свои истинные намерения – вот что отличало Лжедмитрия I от окру-

жающих его людей того времени, и что вполне подходило к временам Апокалипсическим.

«Появление названного Димитрия в жизни Русской земли, – писал А.Д. Нечволодов, – окутано до настоящего времени большой темнотой, и ответить с безусловной достоверностью на вопрос, кто именно он был, не представляется никакой возможности. Однако с большой уверенностью можно сказать, что он самозванно носил имя того, чьи святые мощи, прославленные многими чудесами, покоятся и поныне в Архангельском соборе Московского кремля».

По многим версиям им был молодой сын стрелецкого сотника Юрий Отрепьев, принявший по пострижении имя Григория, ставший затем иноком Чудова монастыря и бывший одно время келейником патриарха Иова. Он проявлял большие способности в учебе, шутя усваивал то, что другим не давалось упорным трудом, в то же время Григорий вольничал в делах веры, вызывая этим подозрения в ереси. Но главное, в момент откровенности он говаривал монастырской братии, что со временем непременно будет царем на Москве.

За все это Григорию Отрепьеву грозила минимум ссылка, но он благополучно бежал в Литву, где после скитался по разным местам. Он побывал у запорожцев, выучился у них верховой езде и военному искусству, якшался с сектантами-анабаптистами, учился в латинской школе в Гоще, где получил кое-какие знания по латинской и лютеранской грамоте, завел себе духовника-иезуита. Наконец Григорий от-

крылся польским магнатам Адаму Вишневецкому и Юрию Мнишек, заявив, что он – чудом спасшийся царевич Дмитрий. Его некоторое сходство с подлинным царевичем, равенство лет с убиенным Дмитрием, а скорее самое главное – возможность вмешаться во внутренние дела Московского государства, давнего соперника Польши и Литвы, – привели их к мысли воспользоваться этим шансом, и они представили его польскому королю. Сигизмунд III признал его сыном Ивана IV, обещал поддержку, но официально в его защиту выступать не стал, разрешив только своим шляхтичам участвовать в восстановлении его на троне в частном порядке. Тогда же Лжедмитрий тайно перешел в католичество и подписал брачный контракт с Мариной Мнишек, обещав ее отцу русские земли, польскому королю обещал вечный мир и территориальные уступки, а главное – способствовать переходу Русской церкви под власть Римского папы. Это была игра в поддавки, и Лжедмитрий хорошо усвоил ее правила. Он устами Пушкина думал: «Димитрий я иль нет – что им за дело? Но я предлог раздоров и войны. Им это лишь и нужно».

Для сознания русского человек Литва была синонимом Польши, а Польша – синонимом Литвы. Лишь в результате ряда уний, из которых самыми значительными были Кревская уния 1385 года и Люблинская уния 1569 года, на политической карте Европы появилось государство со странным для русского слуха названием – *Речь Посполитая*, что

означало в переводе на польский язык латинское слово *республика*. Официальное название этого государства было *Республика Короны Польской и Великого Княжества Литовского*, или Республика Обоих народов. Странным для русского сознания, воспитанного на самодержавных традициях, было ее политическое устройство. Речь Посполитая состояла как бы из трех частей: *Литвы* (собственно Литвы и Белоруссии), *Гетманщины* (Левобережная и Правобережная Украина) и *Коронных земель*, т. е. самой Польши (в состав Польши была включена и Галицко-Волынская земля). Во главе Литвы стоял литовский гетман, во главе Украины – свои гетманы, Коронные земли возглавлял коронный гетман, а над всей этой федерацией земель возвышался король. Он избирался на польском сейме, состоящем из крупных польских и литовских землевладельцев (магнатов), и носил одновременно два титула: короля польского и великого князя литовского. Таким образом, избрание короля зависело от желания польской шляхты, часто это желание реализовывалось не на заседаниях сейма, а на полях сражений между различными группировками польского дворянства.

Речь Посполитая заметно уступала России по территории, но превышала ее по численности, разнонационального, не обладающего религиозным и политическим единством, населения. В 1596 г. польский король Сигизмунд III создал в Бресте Духовный собор, на котором был поставлен вопрос о присоединении к Римско-католической церкви ряда

епископств Киевской митрополии, а именно Луцкой, Владимиро-Волынской, Полоцкой, Пинской и Холмской. Впоследствии так называемая *Брестская уния* привела к созданию *Униатской*, или *Украинской греко-католической церкви*. Кроме того, на западнорусские земли вслед за польской администрацией хлынули католическое духовенство и иезуиты. И началось массовое ополячивание и окатоличивание русского и литовского дворянства, угнетение православного населения. Все, что предпочитало оставаться русским и православным, стало считаться в Речи Посполитой низшим и позорным. Латинство стало считаться панской верой, а православие – холопской. Ответом на религиозное угнетение стали казацкие и крестьянские восстания и, в конце концов, переход западнорусских земель под власть московского царя.

Не придавал силы Речи Посполитой и ее феодальный демократизм. В свое время Иоанн Грозный не желал садиться за стол переговоров с польским королем Стефаном Баторием как с равным себе, уведомляя его, что «Всемогущий Бог благоволил ко всему нашему роду: мы государствуем от великого Рюрика 717 лет, а ты со вчерашнего дня на таком великом государстве, тебя первого из твоего рода по Божьей милости избрали народы и сословия королевства Польского, и посадили тебя на эти государства управлять ими, а не владеть ими. А они люди со своими вольностями, и ты присягаешь величию их земли, нам же всемогущая Божья десни-

ца даровала государство, а не кто-либо из людей, и Божьей десницей и милостью владеем мы своим государством сами, а не от людей приемлем государство, только сын от отца отцовское по благословению приемлет самовластно и самодержавно, а своим людям мы креста не целуем».

В конце концов шляхетские вольности до того ослабили Польское государство, что в XVIII веке Речь Посполитая была поделена между тремя сопредельными государствами: Россией, Пруссией и Австрией. Но в начале XVII века Речь Посполитая была еще в силе. И союз польского короля, польского магната Юрия Мнишек и чернеца-расстриги не сулили ничего доброго Русской земле.

Осенью 1604 г. четырехтысячный отряд, состоящий из польской шляхты и запорожских казаков, перешел русскую границу в Северной Украине, чтобы идти на Москву добывать царский престол для Лжедмитрия I. Конечно, с такими силами пробиться к Москве было невозможно, но сила Лжедмитрия была не столько в Польше, сколько в самом Московском государстве.

Для Бориса Годунова появление самозванца было как гром среди ясного неба. А.К. Толстой так описывает состояние души Бориса в третьей части своей драматической трилогии, которая называлась «Царь Борис»:

«Убит, но жив»! Свершилось предсказанье!

Загадка разъяснилась: мой враг

Встал на меня из гроба грозной тенью!

Я ждал невзгод; возможные все беды
Предусмотрел: войну, и мор, и голод,
И мятежи – и всем им дал отпор
Я был готов. Но чтоб воскрес убитый –
Я ждать не мог! Меня без обороны
Застал удар. Державным кораблем
В моей спокойной управляя силе,
Я в ясный день на бег его глядел.
Вдруг грянул гром. С налету взрыла буря
Морскую гладь – крутит и ломит древо
И парус рвет... Не время разбирать,
Чей небо грех крушением карает –
Долг кормчего скорей спасти корабль!
Беда грозит – рубить я должен снасти!
Нет выбора – прошла пора медлений
И кротости! Кто враг царю Борису –
Тот царству враг! Пощады никому!
Казнь кличет казнь – власть требовала жертв –
И первых кровь чтоб не лилась даром,
Топор все вновь подымлет к ударам!»

Но Борис Годунов не мог должным образом защититься
своем престоле. Дело было в том, что у него не было авторитета
среди боярства и народа. Подозрение в том, что он причастен
к убийству царевича Дмитрия, висело над ним как дамоклов
меч. К умалению его авторитета как царя прибавлялись его
чрезмерная подозрительность, малодушие и жестокость. Как

писал А.Д. Нечволодов, «на беду Борис никому не мог верить и чувствовал себя совершенно одиноким; малодушие, жестокость, подозрительность и другие свойства его лишенной благородства души приносили теперь страшные плоды. После разгрома семьи Романовых он успел оттолкнуть от себя и все другие влиятельные семьи в государстве... Темные пути, которыми достиг Борис престола, недостойный нравственный облик патриарха Иова и чрезмерное развитие доносов, в связи с ужасами пережитого голода и мора, оказали, как мы уже говорили, самое развращающее влияние и на все население. У каждого в сердце было сомнение насчет истинных прав Бориса на царство, что, конечно, влекло за собой упадок любви к государю, а вместе с тем и любви к Родине, так как оба эти чувства неразрывно связаны между собой в сердцах русских людей; многие стали думать только о своих личных выгодах».

В Москве патриарх Иов и Василий Шуйский убеждали простой народ не верить рассказам о якобы чудом спасшемся царевиче и указывали, что тот, кто выдает себя за царевича Дмитрия, на самом деле вор-расстрига Гришка Отрепьев. Его стали проклинять по церквям, но это мало действовало на народ. В народе говорили: «Пусть проклинаят Гришку, царевичу до Гришки никакого дела нет».

Появление отряда самозванца на юге Русского государства имело свой резон. Отрепьев рассчитывал в первую очередь на поддержку казаков, которые всегда было охочи пово-

евать, пограбить и вообще вести разгульную жизнь. К нему сразу же примкнул 4-тысячный отряд донских казаков во главе с атаманом Карелой, а затем стали переходить на его сторону местные гарнизоны стрельцов и городских казаков. Переходили к нему и местные воеводы, сдавая ему один за другим города Северной Украины. Признало его и население южной окраины Московского государства. Кто-то искренне верил, что он истинный царевич Дмитрий, а кто-то рассчитывал службой новому царю выбиться в люди, или подняться ступенькой выше по иерархической лестнице.

Борьба на юге России между сторонниками самозванца и людьми верными Борису Годунову велась с переменными успехами до весны 1605 года, при этом царские войска, имея подавляющее численное превосходство, не желали вести войну по-настоящему, воевали как бы нехотя. Перелом в борьбе Лжедмитрия I с московским войском произошел после неожиданной смерти Бориса Годунова 13 апреля 1605 года. Перед смертью Борис успел принять пострижение под именем Боголепа и передать престол своему сыну Феодору. А.С. Пушкин так описывает этот момент:

«Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!

Я подданным рожден и умереть

Мне подданным во мраке б надлежало;

Но я достиг верховной власти... чем?

Не спрашивай. Довольно: ты невинен,

Ты царствовать теперь по праву станешь,

Я, я за все один отвечаю Богу...»

Москва спокойно присягнула 16-летнему молодому царю Феодору и вскоре изменила ему, равно как войско, воеводы и весь русский народ. Уже 7 мая 1605 г. московское войско во главе Петром Басмановым перешло на сторону самозванца. 10 июня законный наследник престола, сын царя Бориса Феодор вместе с матерью был убит в Москве приверженцами самозванца. 20 июня Лжедмитрий торжественно въезжает в Москву и весь народ встречает его как законного царя, а 21 июля новоиспеченный патриарх, архиепископ Рязанский грек Игнатий совершает таинство венчания на царство победившего самозванца. Так к греху убийства царевича Дмитрия на русский народ наложился *грех клятвопреступления*, который только подлил масло в огонь смуты, отчего она разгорелась на Русской земле с еще большей силой.

Митрополит Иоанн Снычев писал: «Клятвопреступление стало фактом. Народ, еще недавно столь настойчиво звавший Бориса на царство, присягнувший ему как богоданному государю, поправ обеты верности, отринул законного наследника престола, попустил его злодейское убийство и воцарил над собой самозванца и вероотступника, душой и телом предавшегося давним врагам России. Вот где таится подлинная причина Смуты, как бы ни казалось это странным отравленному неверием и рационализмом современному уму. Совершилось преступление против закона Божиего, которое и повлекло дальнейшие гибельные последствия все-

общего разора и мятежа».

Менее года царствовал Лжедмитрий I в Москве. 20 июня 1605 года москвичи торжественно встречали въезд его во главе польско-казачьей свиты в первопрестольную. Простые горожане, купцы и боярство, кричали здравицу самозванцу, тем самым увеличивая вину за грех убиения Федора Годунова с матерью и за измену присяге законным русским государям.

Однако в этот же день москвичи увидели дурные предзнаменования и первые подозрения в истинности названного «царевича Дмитрия». Как пишет русский историк В.Д. Сиповский, «когда царь вступил на Москворецкий мост, вдруг поднялся такой страшный вихрь, что всадники едва усидели на конях; пыль взвилась столбом, и на несколько мгновений ничего не стало видно. Суеверные люди крестились и говорили, что это дурной знак... Царь подъехал к Лобному месту. Здесь духовенство ждало его с образами. Запели певчие, но в эту минуту, как на грех, польские музыканты заиграли на трубах, застучали в литавры и заглушили церковное пение. Очень это оскорбило народ. Не понравилось также некоторым, что царь прикладывался к образам и крестам как-то иначе, чем истые москвичи. Возмущался православный люд и тем, что вслед за царем входили в Успенский

и Архангельский собор «поганые католики и люторы» и стояли там неблагочинно, не знаменовались крестом, не преклонялись пред иконами».

Затем москвичей огорчили новые порядки, вводимые новым царем на польский лад. Так, вместо прежних придворных сановников явились новые: великий дворецкий, оружничий, мечник и т.п. Боярскую думу царь назвал «сенатом». Не угодил ему и патриарх Иов, приверженец Годуновых был низложен и сослан в Старицкий монастырь. В сан патриарха без соборного избрания самозванцем был возведен грек Игнатий, рязанский архиепископ, человек угодливый и не привязанный к русской старине.

Однако возвращение из ссылки опальных при Борисе Годунове бояр, помилование Василия Шуйского, который распространял в народе молву, что вступивший на престол не сын царя Ивана, а Гришка Отрепьев, а главное – признание Марией Нагой принародно в нем своего сына на время успокоили народ. Поэтому венчание самозванца на царство прошло спокойно и торжественно.

Новый царь в своих делах был очень энергичен и доступен для народа. Каждый день он был на боярском совете. Он без затруднения решал самые запутанные дела, был сметлив и быстр на ум. Нередко он указывал сановникам на их невежество, но делал это мягко, ласково, стараясь не обидеть их. Два раза в неделю, по средам и субботам, он принимал на дворцовом крыльце просителей: всякий бедняк и простолю-

дин мог прийти к нему и подать челобитную. Служилым людям было удвоено содержание, помещикам увеличены поместья, приказным людям тоже удвоено жалованье и строго запрещено брать взятки. Всем предоставлено было право свободно заниматься промыслами и торговлей. Старался новый царь облегчить участь и крестьян. При всяком случае он выказал свою доброту, говоря при этом: «Есть два способа царствовать – милосердием и щедростью или суровостью и казнями. Я избрал первый способ; я дал Богу обет не проливать крови подданных моих и исполню его!»

Не вызывала подозрения и внешняя политика Лжедмитрия I. Не торопился он выполнить обещания Сигизмунду III и Юрию Мнишек по дарению им русских земель, чем вызвал неудовольствие польского короля. Его занимала мысль о войне с турками и об изгнании их из Византии, что было заветной мечтой православного человека.

Но что возмущало русских людей в самозванце, так это образ его жизни и отношение к православной вере, и это с лихвой перечеркивало все его достоинства, которые в нем замечали современники.

Обратимся к свидетельству историка В.Д. Сиповского: «Особенно не по душе русским сановитым людям были образ жизни, нрав и привычки молодого царя. Русские люди после сытного обеда обыкновенно спали, а Димитрий, пообедавши, ходил пешком по городу, заходил в разные мастерские, запросто говорил со встречными. Да и на коне ез-

дил он не так, как прежние цари; тем всегда подводили коней испытанных, смиренных, подставляли скамьи под ноги, подсаживали под руки, а Димитрий любил ездить на ретивых конях. Подведут дикого скакуна ему, он сам мигом вскочит на него и несется вихрем, словно лихой наездник-казак. Любил он охоту, но и тут держал себя не по-царски: прежние цари только смотрели на бой со зверями, а Димитрий сам, лично, словно простой охотник, выходил на медведя и ловко справлялся с лютым зверем.

Простота в обращении и молодечество Димитрия, по взгляду бояр, унижали царское достоинство; еще больше возмущало их, что он не блюдет древних обычаев и обрядов, которые чтились всем православным людом; притом иногда царь откровенно высказывал не только мирянам, но и духовным лицам мысли, которые пугали благочестивых людей.

– У нас, – говорил он, – только одни обряды, а смысл их скрыт. Вы поститесь, поклоняетесь мощам, почитаете иконы, но никакого понятия не имеете о сущности веры, считаете себя самым праведным народом в мире, а живете совсем не по-христиански, мало любите друг друга, мало расположены творить добро. Зачем вы иноверцев презираете? Что же такое латинская, лютеранская вера? – все такие же христианские, как и греческая. И они веруют во Христа.

Эти речи, хоть была в них и доля правды, были слишком смелы в устах юного Димитрия, были и слишком легкомысленны: переделать понятия своих собеседников, которые вы-

росли и состарились в известных убеждениях и привычках, он не мог, но огорчал их сильно, особенно духовных лиц. Монахов он сильно не любил и вовсе не скрывал этого, даже говорил, что думает от монастырей отобрать имения на ратное дело, на борьбу с врагами христиан – турками...

Ласка и приязнь, какие постоянно царь выказывал к иноземцам и иноверцам, сильно смущали приближенных к нему русских бояр и особенно духовенство. Русские никогда не теснили иноверцев, и не веротерпимость царя раздражала их, а то, что он очень уж был равнодушен к православию и приравнивал его к «латинской и лютерской вере». Невольно у многих благочестивых людей закрадывалось в душу сомнение, уж не отрекся ли царь от православия, уж не еретик ли он. И раньше ходили слухи, что он обратился в латинство; теперь этим слухам стали давать больше веры.

Домашняя жизнь царя стала подвергаться сильному осуждению. Пред началом обеда он не молился иконам; во все время стола гремела веселая музыка; ел он кушанье, которое не употреблялось православными – телятину; после обеда не умывал рук; не ходил в положенные дни в баню, – все это в глазах благочестивых бояр ясно показывало, что царю не дороги русские обычаи, что он не русский человек».

Безусловно, Лжедмитрий I был незаурядной личностью, в которой бушевало море страстей и желаний. Точную характеристику ему дает польский историк К. Валишевский: «Дмитрий – более сложная личность. По точным свидетель-

ствам, на редкость единодушным почти во всех оттенках, он был небольшого роста, но крепко сложен, с широкой грудью, сильными плечами, мощными мышцами и такими руками, что без усилия ломал подковы. На туловище коренастого силача – широкое лицо, смуглое, лишенное растительности, толстый нос с бородавкой, или синим рубцом. говорят другие; большой рот с толстыми чувственными губами; внешность, в совокупности своей не изящная, но, судя по некоторым портретам, вовсе не неприятная, производила впечатление ума, смелости и энергии... Внешности и силе отвечали и духовные свойства отважного наездника: бурный, стремительный темперамент, не лишенный, однако, гибкости; много смелости, большая уверенность в себе; много живости и пыла; привлекательный по природе, великодушный, но склонный к вспыльчивости, он так же быстро успокаивается, как легко раздражается; в характере его есть грубоватость, но без свирепых инстинктов предполагаемого отца; никаких излишеств в питье и пище. Соблюдая трезвость сам. Димитрий ненавидел пьянство; но сластолюбие крепко сидело в нем; много чувственности, даже некоторая порочность: муж Марины, любовник Ксении обожал женщин; но, если верить некоторым отзывам, он проявлял вкусы восточного человека в распутстве».

Для русского человека главным достоинством правителя была приверженность старине. И отсутствие этой приверженности у Лжедмитрия I вызвало подозрение в том, рус-

ский ли он вообще человек. Это подозрение усилилось, когда в Москву приехала его невеста Марина Мнишек в сопровождении 2-тыс. вооруженного польского отряда. Наглое поведение польской шляхты во время свадьбы Марины с самозванцем подлило огонь в недовольство москвичей новым царем, и, управляемое боярством, это недовольство вылилось в народное восстание.

17 мая 1605 г. Лжедмитрий I был убит москвичами, преданный всеми, кроме Петра Басманова. Инокиня Марфа, ранее принародно признавшая в нем своего сына, заявила, что «сын ее на Угличе удиен бысть повелением Бориса». Лжедмитрия I совершенно искренне верил, что русские считают его законным сыном Иоанна IV, поэтому мятеж, поднятый москвичами, был для него полной неожиданностью. Расправа над ним вызывает даже некоторое сочувствие к нему, ибо он стал жертвой не только своего самозванства, но и заложником боярских интриг и политики римско-польского двора.

Одновременно с убиением самозванца в Москве шла резня поляков, которые в полной мере испили гнев русских людей. А.Н. Нечволодов писал: «К одиннадцати часам дня резня закончилась. Сведения о количестве убитых поляков и русских за это кровавое утро разноречивы: по одним известиям, поляков убито только 500 человек, а русских 400, а по другим – значительно больше: более 2000 поляков и почти столько же русских.

Тела Лжедмитрия и Басманова оставались трое суток на поругание толпе, которая всячески их оскорбляла. Затем их похоронили: Басманова у Николы Мокрого, а самозванца в «убогом доме» (кладбище для бездомных и безродных) за Серпуховскими воротами. Но вдруг по Москве пошел слух, что мертвый царь ожил и ходит; в то же время, несмотря на приближение лета, ударили по ночам морозы. Все это было приписано волшебству Расстриги; его тело выкопали, вывезли за Серпуховские ворота и сожгли, а пепел зарядили в пушку и выстрелили им из нее в ту сторону, откуда он появился на Москву. Таков был конец этого необычайного по своей судьбе человека».

Еще 19 мая, когда на Красной площади лежали неубранные и поруганные тела Лжедмитрия и Басманова, в Москве начались хлопоты по избранию нового царя. Боярским советом, без Земского собора, на скорую руку царем был избран главный зачинщик заговора против самозванца Василий Иванович Шуйский. 1 июня 1606 года последовал обряд его венчание на царство. В связи с избранием на царство без Земского собора и без благословения патриарха (Игнатий был низложен, и патриаршая кафедра была вдовствующей) на Василии Шуйском легла печать полуцаря, в глазах дворянства и простого народа, он был боярским царем.

Василий Шуйский разослал грамоты во все концы Русской земли, оповещая о самозванстве Гришки Отрепьева. Но народ мало верил в эти грамоты, ведь о самозванстве Отрепьева и насилии, чинимом поляками, могли знать только в Москве, да и то далеко не все ее жители. Для большинства же русских людей Лжедмитрий оставался «солнышком праведным», недавно торжественно признанным законным царем – всею Москвою и боярами во главе с тем же князем Василием Ивановичем Шуйским. А это означало, что смута в головах людей не только не утихла, но более того, начала реализовываться в народных мятежах и восстаниях, охватывающих Московское государство. Как говорил Авраамий Палицын: «И устройся Россия вся в двоемыслие».

А.Д. Нечволодов писал: «С воцарением В.И. Шуйского Смута начинает быстро охватывать Московское государство, и в нее, как увидим, постепенно втягиваются все слои населения. Усилению Смуты способствовала также и самая личность нового пятидесятичетырехлетнего царя, невзрачного и подслеповатого на вид. Василий Иванович был, несомненно, вполне русским и православным человеком, при этом умным, опытным и достаточно решительным и твердым, хотя и не обладавшим военными дарованиями. Но главный его недостаток заключался в отсутствии должного для государя величия души. Недоверчивость, мстительность, большая склонность к доносам, вероломство и жестокость омрачали его нравственный облик. К тому же он был очень скуп и

крайне суеверен, постоянно прибегая к колдовству и астрологии».

Чтобы устранить сомнения в подлинности мощей убиенного царевича Дмитрия, Шуйский приказал перенести его нетленное тело из Углича в Архангельский собор Кремля. Вот что об этом событии писал митрополит Иоанн Снычев в своей книге «Самодержавие духа»: «3 июня 1606 года при его непосредственном участии было совершено прославление нетленных мощей убиенного царевича Димитрия, «дабы утешить верующих и сомкнуть уста неверным». Царствование прежней династии пресеклось насильственно, и акт прославления державного отрока стал одновременно актом всенародного покаяния в этом злодействе. Новый государь, Василий Шуйский, нес раку с мощами лично, на плечах – из-за города и до собора Архангельского – «как бы желая усердием и смирением очистить себя», по словам летописца, от прежних прегрешений¹.

Вслед за тем, желая снять несправедливую опалу с памяти последнего русского венценосца, он велел пышно и великолепно перенести тело царя Бориса, убиенного царевича Федора и его матери Марии в Сергиеву лавру. «Но еще не довольно смирился перед Богом царь Василий, – написал позже церковный историк, – чтобы погасить гнев Божий на Россию за нечистоты сердечные, за клятвопреступления и царе-

¹ Некогда Шуйский, будучи послан в Углич для расследования дела о смерти отрока, поддержал версию о "случайном самоубийстве" царевича.

убийство. Повсюду начались волнения: сначала только потому, что Василий избран одною Москвою; далее стали говорить, что... Дмитрий спасся из Москвы во время восстания народного; появились и новые самозванцы».

Мятеж опять наметился на юге, в Северщине, где объявился некий Иван Болотников, в городе Путивле он объявил себя «большим воеводой царевича Дмитрия». Его поддержал путивльский воевода, князь Григорий Шаховской, который, созвав народ, объявил, что Дмитрий жив, а убит вместо него другой. На самом деле Болотников был боевым холопом князя Андрея Телятевского, который тоже, будучи воеводой в Чернигове, поддержал восстание против Шуйского. По сложившейся легенде, в молодости Болотников якобы бежал на Дон к казакам, здесь он попал в плен к татарам и был продан в рабство туркам. У них он несколько лет провел гребцом на галерах, но во время морской битвы Болотников был освобожден венецианцами и жил в Венеции. Когда он узнал о «чудесных изменениях в России», то через Германию и Польшу пробрался на юг России. Есть основание полагать, что Болотников имел в Польше встречу с первым самозванцем и получил от него «благословение» на разжигание русской смуты.

Встав во главе путивльских и донских казаков, Болотников идет на Москву почти тем же путем, что и Лжедмитрий I. По пути к Москве отряд Болотникова растет как снежный ком, превратившись в повстанческую армию. По составу

ву и характеру действий мятежная армия Болотникова сильно отличалась от войска первого самозванца. По преимуществу она стала крестьянской. Болотников открыто призывал низшие слои к борьбе не только с Шуйским, но и против всех господствующих классов. Он разрешал грабить боярские усадьбы, убивать бояр и насиловать их жен. Но помимо казаков, крестьян и посадских людей, в его армию вливаются отряды мелких дворян, недовольных Василием Шуйским или стремившихся подняться вверх в водовороте смуты. Так, к нему присоединился отряд рязанских дворян во главе с Прокопием Ляпуновым, тульский во главе с Григорием Самбуловым и веневский во главе с сотником Истомой Пашковым.

В октябре 1606 года его армия стояла под Москвой и имела до 80 тысяч повстанцев, но в решающем сражении у села Коломенского 2 декабря 1606 года Истома Пашков переходит на сторону Шуйского, и Болотников терпит поражение от царских войск, во главе которых стоял воевода Скопин-Шуйский. Затем его армию покидают отряды Ляпунова и Самбулова. Местное дворянство, видно поняло, что с крестьянской стихией им не по пути. Ослабленная армия Болотникова отступает к Калуге. Но взять ее царским воеводам с ходу не удастся. Начинается бдительная осада Калуги. Одновременно в Туле появляется войско еще одного самозванца – мнимого «царевича Петра». Вместе с ним объявляются князь Г.П. Шаховской, «всей крови заводчик», как его на-

зывают современники, и князь Телятевский.

В этих условиях царь Василий Шуйский применяет не только административные, но и религиозно-нравственные усилия для укрощения Смуты. Царь созывает Земский собор и возлагает на него и нового патриарха Московского и Всея Руси Гермогена *проведение чина всенародного покаяния*. В связи с этим Гермоген пригласил в столицу своего предшественника Иова.

Вот как описывается этот чин покаяния митрополит Иоанна Снычева: «Иов приехал и (20 февраля 1607 г.) явился в соборном храме Успения, извне окруженном и внутри наполненном несметным количеством людей. Он стоял у патриаршего места в виде простого инока, но возвышаемый в глазах зрителей памятью его знаменитости и страданий за истину, смирением и святостию, отшельник, вызванный почти из гроба примирить Россию с небом. В глубокой тишине общего безмолвия и внимания поднесли Иову бумагу и велели патриаршему архидакону читать ее на амвоне. В сей бумаге народ (и только один народ, а не царь) молил Иова отпустить ему, именем Божиим, все его грехи перед законом, стропивость, ослепление, вероломство; клялся впредь не нарушать присяги, быть верным государю; требовал прощения живым и мертвым, дабы успокоить души клятвопреступников и в другом мире; винил себя во всех бедствиях, ниспосланных Богом на Россию, но не винился в цареубийствах, приписывая убиение Феодора и Марии одному само-

званцу; наконец, молил Иова благословить царя, бояр, хри-
столюбивое воинство и всех христиан, да торжествует царь
над мятежниками и да насладится Россия счастьем тишины.

Иов отвечив грамотой, заблаговременно, но действи-
тельно им сочиненною, писанною известным его слогом,
умилительно и красноречиво. Тот же архидиакон читал ее
народу. Изобразив в ней величие России, созданное умом и
счастьем ее монархов, Иов соболезновал о гибельных след-
ствиях Димитриева заклания... , напомнил единодушное из-
брание Годунова в цари и народное к нему усердие, дивил-
ся ослеплению народа, прельщенного бродягою, говорил: «Я
давал вам страшную на себя клятву в удостоверение, что
он самозванец; вы не хотели мне верить, и сделалось то, че-
му нет примера ни в священной, ни в светской истории». Опи-
сав все измены, бедствия отечества и Церкви, свое из-
гнание, гнусное цареубийство, если не совершенное, то по
крайней мере допущенное народом, воздав хвалу Василию,
«царю святому и праведному», за великодушное избавле-
ние России от стыда и гибели, Иов продолжал: «Вы знаете,
убит ли самозванец; знаете, что не осталось на земле и мерз-
кого тела его, а злодеи дерзают уверять вас, что он жив и
есть истинный Димитрий! Велики грехи наши пред Богом,
«в сии лета последняя», когда вымыслы нелепые, когда сво-
лочь гнусная, тати, разбойники, беглые холопы могут столь
ужасно возмущать отечество!» Наконец, исчислив все клят-
вопреступления, не исключая и данной Лжедмитрию прися-

ги, Иов именем небесного милосердия, своим и всего духовенства объявил народу разрешение и прощение, в надежде, что он не изменит снова царю законному, и добродетель верности, плодом чистого раскаяния, умилоостивит Всевышнего, да победят врагов и возвратят государству мир с тишиною.

Действие было неописанное. Народу казалось, что тяжкие узы клятвы спали с него и что Сам Всевышний устами праведника изрек помилование России. Плакали, радовались, и тем сильнее тронуты были вестью, что Иов, едва успев доехать из Москвы в Старицу, преставился. Мысль, что он, уже стоя на пороге вечности, беседовал с Москвою, умиляла сердца. Видели в нем мужа святого, который в последние минуты жизни и в последних молениях души своей ревностно занимался судьбою горестного отечества, умер, благословляя его и возвестив ему умилоостивление неба».

Вскоре после принятия в Москве чина покаяния удача начала склоняться на сторону Василия Шуйского. Ему удалось подавить восстание Болотникова.

Болотников перешел из Калуги в Тулу, где соединился с «царевичем Петром» и другими своими приспешниками. В Туле собралось 30 тысяч человек восставших, против них Шуйский собрал стотысячное поместное войско. В двух встречных сражениях воровское войско было разбито, и его остатки засели в Туле. Осада Тулы, или «Тульское сидение», затянулась на 4 месяца.

Неудачные штурмы и большие потери вызвали недовольство в царских войсках. Многие ратные люди стали бросать службу и бежать в родные места. Так, отъехали татарские отряды во главе с князем Урусовым и многие иные мурзы. На беду объявился Лжедмитрий II, который с отрядом польской шляхты и запорожских казаков пришел к Козельску. Часть войска была снята из-под Тулы и отправлена под Козельск. К началу августа у Шуйского под Тулой оставалось 50-60 тысяч войска. Царь «не домыслил, что сотворить граду», когда боярский сын Кравков предложил устроить запруду на Упе, отчего «вода де будет в остроге и в городе и дворы потопит» и осажденные не смогут сопротивляться. Запруда была поставлена, и это оказалось действенным средством. Вода начала заливать город и разобщила его от всех окрестностей; скоро настал страшный голод, и Болотников с Лжепетром вошли с Шуйским в переговоры и тот обещал им помилование.

10 октября 1607 года «тульские сидельцы» вышли из города и сдались на милость царского слова. Но Шуйский лишь частично сдержал свое слово: вскоре «царевича Петра» (Илью Горчакова) повесили у ворот Данилова монастыря под Москвой; Болотникова и других мятежных атаманов сослали в Каргополь, а потом ослепили и утопили. Царь из вождей восстания сохранил жизнь лишь Телятевскому и Шаховскому. Восстановив законную власть в Туле, Василий Шуйский повелел распустить поместные войска по домам, а сам с торжеством отправился в Москву, где взятие Тулы

праздновали подобно взятию Казани.

Шуйский считал, что с взятием Тулы Смута уляжется. Но два обстоятельства не способствовали этому. Во-первых, Шуйский начиная с весны 1607 года издал несколько указов о холопах и об отношении их к господам, сущность которых свелась к полной крепостной зависимости крестьян от их господ. Что оставалось делать массе помилованных крестьян, если крепостной порядок не только оставался в прежней силе, но получил в законе еще большую определенность и непреложность? Они потянулись в свои окраинные места, с тем, чтобы опять при первом же подходящем случае вновь поднять восстание. А во-вторых, появление нового самозванца, так называемого «Тушинского вора», возможность побунтовать как крестьянам, так казакам и дворянам. И вновь около Москвы образовался мятежный антиправительственный лагерь.

Что касается личности второго самозванца, то она до сих пор совершенно не известна. Валишевский описывает, по крайней мере, восемь лиц, взявших на себя риск назваться Лжедмитрием II, в том числе некоего еврея. Причем ни по своим физическим качествам, ни по уму новый самозванец даже близко не походил на первого. Но для Польши, где он объявил себя вновь чудом спасшимся царевичем, это опять

стало поводом вмешаться в русские дела.

Валишевский так описывает нового самозванца и планы Польши в связи с ним: «Все свидетельства отзываются единодушно о неприятной наружности, еще того более непривлекательном характере самозванца, неотесанности его в обращении грубости нрава; все также утверждают, что ни по телесным, ни по духовным качествам новый претендент не походил на первого. Польские источники в этом отношении определеннее других. Поэтому невозможно согласиться с мнением историков, которые желали видеть в этом человеке ставленника Польши. В Кракове могли бы сделать лучший выбор. Впоследствии, когда казалось, что судьба готовить торжество темного авантюриста, на берегах Вислы могла родиться мысль воспользоваться им в интересах Польши или католичества; она выразилась в очень любопытном документе, который нам сообщили как инструкцию, составленную в Польше для самозванца...»

Валишевский не разглашает этот любопытный документ, но он хорошо известен русским историкам как *наказ польских иезуитов Лжедмитрию II*. Вот текст его, взятый из исторического календаря-альманаха «Россия день за днем» (2005):

«Краткая и точная характеристика Лжедмитрию II дана Царем Михаилом Феодоровичем в письме принцу Оранскому: «Сигизмунд послал жида, который назвался Димитрием царевичем». А русский народ очень метко прозвал его

«вором», так как все его личные стремления и собравшихся около него отрядов носили чисто «воровской» отпечаток.

Польские иезуиты, предложившие ему роль самозванца, заботливо дали ему следующий наказ:

«...1. Хорошо, если бы государственные должности и сопряженные с ними преимущества раздавались не по древности рода: надобно, чтобы доблесть, а не происхождение получала награду. Это было бы побуждение для вельмож к верной службе, а также и унии... Не худо бы это распоряжение отложить до унии, а тут раздавать высшие должности в виде вознаграждения более приверженным к ней, чтобы сам государь вследствие унии получил титул царский, а думные его сановники титул сенаторский, то есть, чтобы все это происходило от папы...

2. Постоянное присутствие при особе царской духовенства (православного) и бояр влечет за собой измены, происки и опасность для государя: пусть остаются в домах своих и ждут приказа, когда явиться.

3. Недавний пример научает, что его величеству нужны телохранители, которые бы без его ведома, прямо, как до сих пор бывало, никого не пропускали во дворец, или где будет государь. Нужно иметь между телохранителями иностранцев, хотя наполовину со своими, как для блеска, так и для безопасности. В комнатные служители надо выбирать с большим вниманием. В телохранители и комнатные служители надо выбирать таких людей, которых счастье и жизнь зави-

сят от безопасности государя, или, говоря ясно, истинных католиков, если совершится уния. Москвитян брать в телохранители, приверженных к унии...

4. И москвитян не очень должно отдалять от двора государева, ибо это ненавистно и опасно для государя и чужеземцев...

5. Канцелярия должна употреблять скорее народный язык, чем латинский, особенно потому, что латинский язык считается у туземцев поганым. Однако государю нужно иметь при себе людей, знающих язык латинский, политику и богословие, истинных католиков, которые бы не затрудняли благого намерения, не сближали государя с еретиками, не подсовывали книг арианских и кальвинских на пагубу государству и душам, не возбуждали омерзения к Христову наместнику (папе)...

6. Перенесение столицы, по крайней мере, на время, кажется необходимым по следующим причинам: а) это будет безопаснее для государя; б) удобнее будет достать иностранное войско и получить помощь от союзного короля и других государей христианских; в) при перемене царя, для царицы (Марины) удобнее получить помощь от своих, безопаснее и легче выехать с драгоценностями и свободой в отечество (Польшу); однако разглашать о перенесении столицы не нужно, ибо это ни к чему не послужит, надобно жить где-нибудь, только не в Москве; г) мир московский будет смиреннее; он чтит государя вдалеке находящегося, но буйствует в

присутствии государя и мало его уважает; д) обычные пирования с думными людьми могли бы удобнее исподволь прекратиться; е) удобнее учредить коллегии и семинарии подле границы польской; ж) легче московских молодых людей отправлять учиться в Вильну и другие места...

7. Еретикам, неприятелям унии, запретить въезд в государство.

8. Выгнать приезжающих сюда из Константинополя монахов (православных).

9. С осторожностью должно выбирать людей, с которыми об этом говорить, ибо преждевременное разглашение и теперь повредило (намек на кровавое московское утро 17 мая 1606 г.).

10. Государь должен держать при себе очень малое число духовенства католического. Письма, относящиеся к этому делу, как можно осторожнее принимать, писать, посылать, особенно из Рима.

11. Государю говорить об этом должно редко и осторожно, напротив, надобно заботиться о том, чтобы не от него началась речь.

12. Пусть сами русские первые предложат о некоторых неважных предметах веры, требующих преобразований, которые могут проложить путь унии... При случае намекнуть на устройство католической церкви для соревнования... Издать закон, чтобы все подведено было под постановление соборов и отцов греческих, и поручить исполнение закона лю-

дям благонадежным, приверженцам унии. Возникнут споры, дойдет дело до государя, который, конечно, может назначить собор, а там с Божьей помощью может быть приступлено и к унии.

13. Намекнуть черному духовенству о льготах, белому – о достоинстве, народу – о свободе, всем – о рабстве греков, которых можно освободить только посредством унии с государями христианскими.

14. Хорошо, если бы поляки набрали здесь молодых людей и отдали бы их в Польше учиться отцам-иезуитам...»

Для исполнения данного наказа «вору» необходимо было не только овладеть Москвой и низложить Шуйского, но и изменить душу русского народа...»

Соответственно с целями, какие проследовал второй самозванец, войско его (в отличие от войска Лжедмитрия I, состоявшего лишь в меньшей части из подданных польской короны) состояло наполовину из поляков, запорожцев, донских казаков, а на вторую половину – из множества русских воровских шаек, которых поляки в свой Тушинский стан не пускали. Для большей привязки Лжедмитрия II, или «Тушинского вора», как его величали в Москве, к Польше Марина Мнишек признала в нем своего законного супруга, якобы опять чудом спасшегося от рока судьбы.

С лета 1608 года до зимы 1610 г. ситуация в Российском государстве была патовая. Обе силы, Москва и Тушино, обладали примерным равенством сил (до 100 тыс. воинских

людей с обеих сторон в различных, разбросанных по стране отрядах), которые не могли нанести друг другу решающего поражения и ограничивались лишь захватами и освобождением различных городов и монастырей. В этой череде попеременных побед и поражений на русской почве образовалось явление, которое современники называли «шатость», когда так называемые «перелеты», в зависимости от успеха Москвы или Тушина, по нескольку раз перебегали на службу то к Шуйскому, то к самозванцу. Но так как летом и осенью 1608 г. дела у Тушинского вора шли успешней, то бегство к нему из Москвы усиливалось.

Даже целые города попеременно присягали на верность то Вору, то Шуйскому. В этой верности городов Москве или Тушину была даже определенная географическая зональность. За Москву стоял север. Здесь не было боярского и служилого дворянского землевладения. Север был силен целым рядом знаменитых русских монастырей, постепенно обрацавшихся как бы в крепости Московского государства и имевших обширные и хорошо устроенные хозяйства; здесь же, в северных городах и деревнях, по пути к Беломорскому торгу, сидел крепкий своим русским духом промышленный сельский и посадский торговый люд, сильно приверженный к земской тишине и порядку и привыкший управляться своим крестьянским или посадским миром. Юг же, напряженный классовой борьбой между помещиками и крестьянами, а также зараженный казачьей вольностью, легко поднимался

против своих господ, и вообще не терпел какой-либо тишины и порядка. Смущенные льстивыми воровскими грамотами, южные города, как правило, принимали сторону самозванцев.

Для поляков очень важно было взять Троице-Сергиеву лавру, чтобы утвердиться в Заволжском крае и перерезать дорогу, привозившую припасы к столице. Да и сама лавра была символом русского православного духа. Вот почему до 30 тысяч войска при 80 орудиях ополчились против каменных стен монастыря, где около трех тысяч монахов, ратных людей и крестьян из окрестных сел держали оборону. Осада началась осенью 1608 года. Но ни приступ, ни подкоп, ни длительная осада не дали своего результата. Осажденные пережили трудную зиму два новых приступа, но стояли на смерть. Поляки не знали, как взять обитель святого Сергия, многие очевидцы видели, как Сергей Радонежский и преподобный Никон – второй игумен монастыря каждый день обходили крепостные стены и кропили их святой водой. Изпод стен лавры, усовестившись воевать против своих православных братьев, ушел отряд донских казаков во главе с атаманом Епифанцем. 16 месяцев держалась Троицкая лавра.

Но в то время как Троицкий монастырь мужественно отбивался от врагов, многие северные города, захваченные тушинцами врасплох, сдавались. Им сдались Суздаль, Владимир, Переяслав-Залесский, Ростов, Углич, Кострома, Вологда, силой были взяты Тверь и Шуя. Причем некоторые го-

рода брались внутренним мятежом. Всего 22 северных города сдались и присягнули самозванцу. Теперь чаша весов уже явно склонилась в пользу Лжедмитрия II, но вскоре бесчинства, творимые поляками, казаками и воровскими людьми, заставили жителей многих городов поднимать восстания против грабителей.

В то время, когда герои Живоначальной Троицы со славой отбивали все вражеские приступы, Москва была в блокаде, мужицкие ополчения вели борьбу с поляками и ворами с переменным успехом, Русская земля ждала сильную рать для решающей победы над врагом. Такая рать могла прийти или с юга, из Астрахани, или из севера, из Новгорода. Но воевода Ф.И. Шереметьев был сильно задерживан в пути очищением поволжских городов от воровских людей, а отряд князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского ждал прихода шведского наемного войска, которое должно было прийти на помощь Василию Шуйскому от шведского короля Карла IX согласно условленному договору.

А пока решающей битвы не происходило, Русь была терзаема и разоряема тушинцами и различными отдельными воровскими отрядами. Особенно тяжелым для Русской земли был 1609 год. Об этом лихолетье красноречиво писали современники и историки поздних времен.

Монах Авраамий Палицын был современником этих бедствий Русской земли: «Отечество, – писал он, – терзали более свои, нежели иноземцы: наставниками и предводителя-

ми ляхов были наши изменники. С оружием в руках ляхи только глядели на безумное междоусобие и смеялись. Оберегая их в опасности превосходным числом своим, русские умирали за тех, которые обходились с ними как с рабами. Вся добыча принадлежала ляхам и, избирая себе лучших юношей и девиц, они отдавали на выкуп ближним и снова отнимали их... Многие гибли уже не за отечество, а за свои семейства: муж за жену, брат за сестру, отец за дочь. Милосердие исчезло: верные царю люди, взятые в плен, иногда находили в ляхах жалость и уважение; но русские изменники, считая их противниками царя Тушинского (Лжедмитрия), подвергали жестокой смерти: кидали в реки, расстреливали из луков, перед родителями жгли детей, носили их головы на саблях и копьях, младенцев разбивали о камни. Смотря на это, сами ляхи содрогались и говорили: «Что же будет нам от россиян, когда они и друг друга губят с такой лютостью». В этом омрачении умов все хотели быть выше своего звания: рабы – господами, чернь – дворянством, дворяне – вельможами. Не только простые простых, но и знатные знатных обольщали изменой. Вместе с отечеством гибли и церкви: храмы были разоряемы: скот и псы жили в алтарях, воздухами и пеленами украшали коней, из чаш со Св. Дарами пили, на дискос клали мясо, на иконах играли в кости... Священников и иноков жгли огнем, допытываясь сокровищ. Города пустели. Могилы, как горы, везде возвышались. Граждане и земледельцы укрывались в дебрях, в лесах

или болотах. Грабители, чего не могли взять с собою, сжигали дома и все, превращая Россию в пустыню!»

Валишевский тоже тяжелыми красками описывает это время: ««В устных преданиях жителей Вологодской губернии сохранилась память о польских панах. жестоких, безжалостных и ненасытных, и остались вещественные следы их подвигов: тут курган прикрывает груды трупов; там клад хранить их добычу, зарытую ими во время погони за ними, «несметное сокровище»: его, однако, не удалось с тех пор извлечь на свет Божий. Если судить по одним только местным источникам, то москвитяне превосходили в дикости еще своих случайных союзников. Разница в уровне цивилизации при таком зловещем соревновании не может, без сомнения, служить достаточным объяснением этого явления. Война обыкновенно стирает это различие. Поляки, вымогая беспощадно казну у населения в местностях, занятых ими, вовсе не обнаруживали по отношению к нему ненависти; они требовали от него только денег или удовольствий. Что же касается московских приверженцев Димитрия, наоборот, всякий сторонник Шуйского для них был врагом, которого надо было уничтожить, иначе грозила опасность быть самому уничтоженным им в злосчастный день. Поляки шли сюда провести весело время и обогатиться, если им не удавалось достичь большего; если дело принимало дурной оборот, они имели возможность вернуться домой, натешившись вволю и набив себе туго кошелёк. Московские приверженцы, пере-

ходя на сторону самозванца, отрезывали себе всякое отступление и ставили на карту свою жизнь; а казаки видели тут единственный случай выйти из своего тяжелого положения людей вне закона или отомстить за него. Наконец, и самое главное, преследуя свои особые цели повеселиться или потешить свое честолюбие или алчность, или просто из влечения к жизни среди эпических приключений, Сапега и его соотечественники не страдали той революционной горячкой, которая во все времена и повсюду неизменно приводила, в конце концов, к припадкам жажды разрушения и кощунства. Так, в то самое время, когда Троице-Сергиева лавра принуждала поляков и казаков с благоговением относиться к ее неприкосновенной святыне, в двадцати других городах московские приверженцы «Тушинского вора» не только смотрели равнодушно, как брали приступом, грабили, опустошали и оскверняли десятками храмы и монастыри, но и сами принимали участие в этих неистовствах, как, например, было в Ростове.

При их содействии и даже, можно сказать, главным образом их руками страна была доведена до ужасного состояния. Города и деревни были опустошены; люди и звери обменялись жилищами: на пустынных улицах и площадях находили приют себе волки и лисицы, а люди забирались в самую глухую чащу лесов, питаясь травой и корнями растений и с тоской выжидая спасительного мрака; тогда люди занимали покинутые берлоги зверей. Но эти убежища были не всегда

надежны: по уходе жителей из сел и городов пылали жилища, и при зареве пожаров охотники с гончими гонялись по лесам за человеческой дичью!

В деле разрушения особенно отличались казаки. Если им не удавалось сжечь дом, они непременно старались выломать в нем, по крайней мере, двери и окна, чтобы сделать его негодным для жилья. Они топили, бросали в навоз и утаптывали копытами своих лошадей съестные припасы, которые не могли съесть на месте или увезти с собой. Разгул и разврат сопровождали резню. Во Владимирской области какой-то Наливайко, тезка, мятежного казацкого атамана, пойманного и казненного поляками за несколько лет перед тем, отметил свой путь ужасными оргиями, сажая на кол мужчин, насилая женщин; по свидетельству Сапеги – который ему покровительствовать! – он зарезал собственноручно девяносто три жертвы обоего пола. Чтобы избавиться от позора, многие женщины убивали себя; но другие, – таких было еще больше, – легко мирились со своей участью: похищенные казаками или поляками и выкупленные родителями или мужьями, они убегали и возвращались к веселой жизни, в которую успели втянуться. *Забвение всех правил, пренебрежете всеми принципами чести и стыдливости сопровождается, как всегда бываешь, разложение социального организма; при общем нравственном распаде не устояла и семья.*

В этой стране, где всякая власть внушала благоговейный трепет, теперь, когда все чины и звания опошлись до по-

следнего, не оставалось уже ни одной должности, к которой народ относился бы с уважением. Вслед за Филаретом, этой пародией на патриарха, вся церковь ринулась, очертя голову, в тину: священники, архимандриты и епископы оспаривали друг у друга милости Тушинского вора, перебивая друг у друга должности, почести и доходы ценою подкупа и клеветнических изветов. Вследствие этих публичных торгов епископы и священники сменялись чуть не каждый месяц. Во всем царила анархия: в политике, в обществе, в религии и в семейной жизни. Смута была в полном разгаре. Вопреки воле Сапеги, самозванец, вернее Рожинский, положил конец удалству Наливайки, повесив его. Но Наливаек были тысячи, и только после того, как «они слишком долго испытывали народное терпение и перешли все его пределы, неотложная нужда, наконец, побудила народ с отчаянной решимостью приняться за расправу со своими мучителями»

Русская земля ждала своего избавителя, и он вскоре явился в лице князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, племянника царя Василия Шуйского. В конце апреля 1609 года русско-шведский отряд численностью до 20 тыс. человек выступил из Новгорода против поляков и тушенцев. Причем большую часть войска (15 тыс. чел.) составляли шведы и другие наемники во главе с 27-летним шведским генералом Яковом Делагарди. Получалось, что у сборного войска было два военачальника, но благодаря завязавшейся дружбе двух молодых вождей разногласий в командовании

не было. Скопин произвел на шведов хорошее впечатление. «Имея от роду всего двадцать три года, – писал про него один из них, – он отличался статным видом, умом, зрелым не по летам, силою духа, приветливостью, воинским искусством и умением обходиться с иностранцами».

Русско-шведские войска вначале очистили от польско-воровских отрядов северные города, усилив свою рать заволжскими мужиками, Скопин разбил отряд Сапеги и в июле 1609 г. освободил Тверь. Одновременно медленно освобождая поволжские города, на соединение к нему шел отряд воеводы Ф.И. Шереметева. Лишь к исходу 1609 года оба войска встретились во Владимире.

Таким образом, к концу 1609 года, благодаря действиям М.В. Скопина и Ф.И. Шереметева и подъему народного духа в посадских и крестьянских мирах, на севере России и в Среднем Поволжье была восстановлена власть царя Василия Шуйского. Еще одной радостной вестью для Москвы и всей Русской земли стало снятие 12 января 1610 г. осады Троице-Сергиевой лавры.

Казалось, что скоро со вторым самозванцем, его поляками, казаками и прочими воровскими людьми будет покончено и смута, наконец, покинет Россию. Но в канву Смутного времени вмешалась третья сила. Успешно справившись с мятежной шляхтой у себя дома, польский король Сигизмунд III под предлогом, что Шуйский заключил союз с его заклятым врагом – Карлом IX Шведским, решился на открытое

вторжение польским регулярным войском в пределы России.

21 сентября 1609 года Сигизмунд появился под стенами Смоленска, имея 5 тыс. пехоты, 12 тыс. конницы, 10 тыс. запорожских казаков и еще отряд литовских татар. Это была уже прямая польская интервенция. Кроме того, Сигизмунд велел полякам, оказавшимися в стане Тушинского вора присоединиться к его войску, но большинство поляков отнюдь не желали делить с королем добычи, которую им сулила Смута в Московском государстве, и остались действовать сами по себе. Однако некоторые отряды усилили королевское войско под Смоленском до 35 тысяч. В то время в Польше смотрели на покорение Московского государства, вот уже пять лет терзаемого смутами и мятежами, как на дело весьма легкое.

Теперь Василию Шуйскому и Скопину нужно было воевать с двумя врагами, польским королем и Лжедмитрием II, который после размежевания в польских отрядах перебрался в Калугу, где его поддержали главным образом простые русские люди и казаки, составившие его воровское войско. Надо сказать, что и шведы были ненадежны, в любой момент из союзников они легко могли превратиться в интервентов, что и произошло при определенных обстоятельствах.

Но положение спасли упорное сопротивление смоленско-

го гарнизона во главе с воеводой Михаилом Борисовичем Шеиным и решительные действия отряда Скопина-Шуйского. Очистив от тушинцев большинство городов на севере и востоке страны, 12 марта 1610 года юный освободитель (ему было всего 24 года) с величайшим торжеством въехал в Москву. Имя Скопина было в это время у всех на устах, и в мечтах каждого русского человека, любящего свое Отечество, он являлся тем несравненным героем и избавителем, который должен был окончательно очистить Московское государство от поляков и воров. В Москве появились уже рассказы о каких-то гадалках, предсказывавших, что умиротворение России наступит, когда царем будет Михаил.

В виду того, что на Скопина-Шуйского народ смотрел не только как на избавителя Русской земли от поляков и воров, но и как на возможного будущего царя, рязанский дворянин Прокофий Ляпунов от лица дворян призвал Скопина на царство, но «великий ратоборец» отказался. При нелюбви населения к Василию Шуйскому Скопин-Шуйский вызывал опасения окружения царя как возможный претендент на престол. Через полтора месяца после торжественного въезда в Москву неожиданная смерть Скопина-Шуйского от болезни, начавшейся во время пира, породила слухи о том, что полководец был отравлен вином, поднесенным женой брата царя – дочерью М. Скуратова-Бельского. С. Соловьев писал, что со смертью Скопина «порвана была связь русских людей с Шуйским». Похоронен князь был с большими почестя-

ми в Архангельском соборе Кремля, а кровопролитная смута продолжилась еще два с половиной года, принеся стране новые страдания, потери и разорения.

После смерти Скопина-Шуйского Василий Шуйский продержался на престоле всего два с половиной месяца. 24 июне 1610 г. в битве при Клушине 48-тысячное русско-шведское войско под командованием Дмитрия Шуйского, брата царя, и Делагарди потерпело позорное поражение от 10 тысячного отряда гетмана Жолкевского (Валишевский очень красочно и подробно описал эту польскую победу). Наемники сдались после первого боя, шведы за обещание порвать союз с Шуйским были отпущены и отправились воевать северные русские земли, превратившись, таким образом, из союзников в интервентов, а немцы, шотландцы, французы и прочие наемники перешли на службу к польскому королю. Что касается русской части войска, то после бегства его военачальника, Дмитрия Шуйского, оно частично разбежалось, а частично присягнуло на верность польскому королю с условием, что они будут вместе воевать против Вора за королевича Владислава как вероятного претендента на русский престол вместо Василия Шуйского.

Таким образом, с запада к Москве двигалось сборное польско-русское войско, в составе с наемными отрядами, а с юга к столице подошел Вор с отрядом в 3000 казаков и отрядом Яна Сапеги, которого он переманил к себе за деньги. В этих условиях москвичи решили сами подсуетиться и свести

с престола Василия Шуйского.

Как пишет А.Д. Нечволодов, «19 июля тот же Захар Ляпунов с князьями Засекиным, Тюфякиным, Мерином-Волконским и другими лицами, взяв с собой монахов Чудова монастыря, явились к Шуйскому и потребовали его немедленного пострижения. Шуйский наотрез отказался. Тогда его схватили и, несмотря на отчаянное сопротивление, насильно постригли. Ляпунов с товарищами держал его в своих дюжих руках, а князь Тюфякин давал за Василия Ивановича обеты пострижения, который не переставал кричать: «Несть моево желания и обещания к постриганью!»»

Гермоген, всеми силами противившийся свержению Шуйского, тотчас же признал это пострижение недействительным и заявил, что монахом стал Тюфякин, а не Шуйский. Тем не менее последнего заключили в Чудовом монастыре, а затем постригли и его жену; братьев же взяли под стражу»

Прошло вот уже более 12 лет со смерти царя Феодора Иоанновича и пресечения династии Рюриковичей. Казалось, что русский народ достаточно настрадался и Смута должна пойти к своему концу, но самый драматический период Смутного времени был еще впереди.

После свержения Шуйского в Москве образовалось так

называемая *Семибоярская Дума*, или *семибоярщина*. В нее вошли представители старейших княжеских родов: Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, А.В. Трубецкой и А.В. Голицын. Вместе с ними в нее вошли бояре Иван Никитич Романов, Ф.И. Шереметьев, а также князь Борис Михайлович Лыков, все трое были между собой в родстве. Как всякое правительство того времени, семибоярщина заявила, что якобы она исполняет волю Земского собора. Поминая, что она власть временная, Семиборская Дума должна была найти претендента на русский престол. Выбор был невелик: либо Тушинский самозванец, либо польский королевич Владислав. Выбор пал на последнего, но с условием, что он еще до приезда в Москву примет православие. Об этом начались переговоры с гетманом Жолкевским и польским королем.

Но тем временем, пока посольство во главе с князем Василием Васильевичем Голицыным и митрополитом Филаретом вело переговоры под Смоленском с Сигизмундом, Жолкевский с польским войском вошел в Москву. Памятуя об избиении поляков в 1605 г., Жолкевский, как писал В.Д. Сиповский: «добился того, что воины его жили в Москве так смиренно и благочинно, что москвичи, у которых еще свежа была память о насилиях и своеволье поляков при Лжедмитрии I, просто диву дились!.. Стрельцов московских гетман привлек к себе щедрыми подарками и угощением. Часть стрелецкого войска была отослана в Новгород, а начальство над оставшимися стрельцами было дано поляку Гонсевско-

му.

Ловко обделал Жолкевский польские дела в Москве. Казалось, лучшего полякам и желать было трудно: русская столица была в их власти; князь Голицын, которого некоторые прочили в цари, и митрополит Филарет, на юного сына которого начинали смотреть с надеждой лучшие русские люди, были в королевском стане, т. е. в руках короля. В церквях уже молились за Владислава как за русского законного царя. Все указы писались, все суды производились его именем. Ему был уже готов трон – оставалось только сесть на него, но для этого надо было королевичу принять православие и немедленно ехать в Москву. К счастью для России, Сигизмунд не был способен воспользоваться делом своего ловкого гетмана».

Сигизмунд III, польский король, мечтал стать еще и русским царем, поэтому стал противиться кандидатуре своего сына на русский престол. Переговоры с русским посольством под Смоленском затянулись, и даже когда в королевский стан прибыл гетман Жолкевский с пленным царем-монахом Василием Шуйским, они с мертвой точки не сдвинулись.

Посольство стояло твердо за кандидатуру Владислава, также не сдавался Смоленск. Но полякам удалось найти изменников в русском стане в лице государственного казначея Федьки Андропова и боярина Салтыкова, которые стали рьяно поддерживать претензии Сигизмунда на русское царство. Фактически в Москве власть семибоярщины закончи-

лась. К. Валишевский писал по этому поводу: «Семибоярщина уже не существовала; в сущности, правительство было негласно распущено: оно покорно отошло в сторону, и в то же время рушилась последняя попытка московских бояр образовать правящий класс из двух соперничавших друг с другом аристократий. Попытка эта закончилась диктатурой Федьки Андропова! Ответственность перед историей за это крушение лежит на родовитой знати и придворных вельможах; им не суждено уже было подняться после этого поражения. За чечевичную похлебку, да и то еще гадательную, один из Мстиславских не погнушался польским титулом конюшего; бояре продавали свои права на первородство, и вместе с упадком этого сословия совершалось уравнивание русского общества в общем раболепстве. Независимым оставалось лишь духовенство».

Но происки и замыслы изменников встретили несокрушимое препятствие в лице патриарха Гермогена. Этот старец, стоявший «на страже православия», выказал необычайную твердость и мужество. Он наотрез отказался подписать грамоту королю о том, что просит у него сына, и вместе с тем объявить, что во всем предается на волю короля. Кроме того, он потребовал вывода польских людей из Москвы и принятия греческой веры королевичем Владиславом.

Патриарх стал увещевать всех твердо стоять за православную веру, оборонять ее всеми силами, сноситься с другими городами, изобличал изменников и предателей. После этого

поляки окружили его стражей, затруднили доступ к нему. Но дело было сделано. Живое слово святителя разносилось не только по Москве, но и по другим городам.

В этот самый момент, когда патриарх Гермоген призвал русский людей постоять за Веру и Отечество, 11 декабря 1610 года на охоте крещеным татарин Петром Урусовым был убит Лжедмитрий II. Неожиданное устранение с политической арены Смутного времени Тушинского вора, или «царика», было с радостью встречено многими русскими людьми, теперь они стали говорить друг другу о том, что пора всем соединиться и стать против поляков; даже те, кто присягал Вору, вынуждены были присоединиться к общерусскому стану.

Казимир Валишевский так оценивал политическую ситуация на Руси в конце 1610 года: «Король и его поляки перестали быть спасителями. Отныне можно было обойтись без них, и с трудом терпимое до сих пор присутствие их на московской земле стало сразу невыносимым. Если Владислав должен был царствовать, то избрали, ведь, его одного, при условии исключения иноземного нашествия, которое уже ничем не оправдывалось. Кроме того, избрание его на престол было делом бояр, которые превысили свою власть. Но утвердить ли избрание Владислава или нет, – это видно будет потом, а пока раньше всего необходимо расправиться с Сигизмундом и Гонсевским. освободить столицу от разбойников, которые разграбляют и оскверняют ее, возвратить Московию моск-

витянам. Так рассуждали от края до края в стране, и таким образом борьба, которая продолжалась еще в течение двух лет, начавшие вследствие появления первого Димитрия, изменила свой характер вследствие смерти второго Димитрия. Династический кризис и социальная буря перешли в национальную войну, во время которой народ, опомнившись, проявил самые благородные чувства и лучшие силы свои; временно помраченное сознание своего исторического предназначения пробудилось; великому народу предстояло снова найти волю и силу для обеспечения своего самостоятельного развития».

Первым, кто откликнулся на призыв патриарха, был все тот же Прокопий Ляпунов. В Рязани началось движение по сбору народного ополчения, возникало оно и по другим городам. В начале 1611 года Ляпунов выступил из Рязани, на пути к Москве к нему подходили отряд за отрядом.

Тогда поняли поляки, что собирается страшная гроза, на них ополчается весь русский народ, которого они до этого не воспринимали всерьез, считая, что если склонить на свою сторону бояр, то и дело будет сделано.

Гонсевский и Салтыков приступили к патриарху: «Ты, Гермоген, главный заводчик всего возмущения! Тебе не пройдет это даром. Не думай, что тебя охранит твой сан!» – кричал на него Гонсевский. Но Гермоген был непреклонен: что значили все эти угрозы для доблестного старца, всегда готового пострадать за то великое дело, которому он служил.

Тогда поляки заключили патриарха в Чудов монастырь и стали морить голодом.

А тем времен, пока первое ополчение шло к Москве, в столице нарастало недовольство поляками. Социальное напряжение достигло такой стадии, что каждая ссора могла вызвать народное восстание. И вот во вторник на страстной неделе в Китай-городе между польским гарнизоном (жолнерами и немцами) и москвичами началась драка, которая переросла в избиение безоружных людей. Без ужаса, говорит очевидец, нельзя было взглянуть на жолнеров и немцев. Они были все в крови, подобно мясникам. Говорят, в короткое время было избито народу более шести тысяч. Уцелевшие москвичи пустились бежать в Белый город.

Поднялся весь Белый город, к этому времени в Замоскворечье вошел вооруженный отряд из Зарайска во главе с князем Дмитрием Пожарским. Поляки решили поджечь Белый город и Замоскворечье, а сами спрятались в Кремле и Китай-городе. Три дня горела Москва. От города остались груды тлеющего пепла, почернелые стены каменных церквей да торчавшие вместо домов каменные печи. Множество не погребенных тел тлело под ними. По ночам раздавался вой голодных собак, терзавших трупы. Такова была страстная неделя в Москве в 1611 году!

Москва стала пепелищем, умолк голос старца Гермогена, заключенного поляками в Кремле, но заговорили другие: великий подвижник Дионисий, архимандрит Троицкой лавры

и келарь Авраамий Палицын. «Православные христиане, – взывал Дионисий в своем послании в Казань, – вспомните истинную православную христианскую веру, вспомните, что все мы родились от христианских родителей, знаменались печатью, святым крещением, обещались веровать в Св. Троицу. Возложите упование на силу креста Господня и покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтобы быть всем православным в соединении и стать сообща против предателей христианских, Михаила Салтыкова и Федьки Андронова, и против вечных врагов христианства, польских и литовских людей... Пусть служилые люди без всякого мешканья спешат к Москве, в сход к боярам, воеводам и ко всем православным христианам... Бога ради, отложите все это на время, чтобы всем вам сообща потрудиться для избавления православной христианской веры, пока к врагам не пришла помощь. Смилуйтесь, сделайте это дело поскорее, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здесь войско от скудости не разошлось».

Воззвания Дионисия и Авраамия поддерживали и усиливали то народное движение, которое началось раньше. Русские силы со всех сторон стекались к пепелищу Москвы. После Пасхи 1611 года под Москвой собралось до 30 тысяч вооруженных людей, составивших так называемое *Первое ополчение*. Большая часть ополченческих отрядов признала своим предводителем Прокопия Ляпунова. Однако большой отряд казаков под предводительством Ивана Заруцкого и ка-

лужский отряд князя Дмитрия Трубецкого держались особняком. Ополченцы полукольцом окружили Кремль и Китай-город, где засел шеститысячный польский гарнизон.

Отсутствие единства стало ахиллесовой пятой русского национального движения. Первому ополчению не удалось создать единого командования, вместо него был избран триумvirат в лице Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого. Все три вождя враждовали между собой, враждовали и их ратники. Раздорами внутри русского лагеря не преминули воспользоваться поляки, подкинув в лагерь казаков Заруцкого подметное письмо, подделанное под почерк Ляпунова, в котором говорилось о том, что казаки-грабители и разбойники, что они – враги Русского государства, что их следует истребить, как только будет освобождена Москва.

Подметное письмо возымело свое действие, и 22 июля 1611 года на казачьем кругу был зарублен Прокопий Ляпунов, этот новый, после Скопина-Шуйского, претендент на вождя освободительной борьбы. После его смерти верх взял Иван Заруцкий и его казаки. Но казачье ополчение, вместо осады Кремля и Китай-города, предпочитало грабить на дорогах и разбойничать в окрестных селах и деревнях.

Мало-помалу ополченческие отряды стали уходить из-под Москвы. Многие отряды поспешили на защиту своих городов от разбойных шаек Яна Сапеги, этого последнего «тушинца», который не примкнул ни к полякам, ни к ополченцам, но продолжал разбойную войну по городам и уездам,

имея, однако мечту, воспользоваться русской междоусобицей и стать московским царем.

В августе из-под Москвы ушли нижегородские ополченцы, и таким образом Первое ополчение бесславно распалось. Под Москвой остались лишь одни казаки.

Как говорится в народе, беда одна не ходит. Не успело разбежаться из-под Москвы первое ополчение, как 3 июня 1611 года пал Смоленск, а еще раньше, 13 апреля, русские послы были объявлены пленниками и отправлены в Польшу, где король на сейме заявил, что московскую землю он присоединяет к Польше. О воцарении Владислава в Москве уже не было и речи. Поляки войну считали почти поконченной и думали, что остается только смирить горсть ничтожных мятежников и вековой спор с Москвой будет покончен.

Если поляки укрепились в Москве и на западе России, то на севере хозяйничали шведы. 17 июля отряд Делегарди захватил Новгород. Затем шведы овладели Ямой, Копорьем, Ладогой, Порховом, Ивангородом, Гдовом, Тихвином и Орешком. В Пскове объявился новый самозванец, так называемый «вор Сидорка», которого 4 декабря Псков признал царем. Кроме «вора Сидорки», в Астрахани появился и другой «истинный государь Димитрий», которого признало все Нижнее Поволжье (историки еще именуют их Лжедмитрием III и Лжедмитрием IV).

Казалось, пришли последние дни для Московского государства. В.Д. Сиповский писал: «Более плачевного состоя-

ния не бывало в Русской земле! Казалось, ее разорвут на части... Шведы – в Новгороде, самозванец – во Пскове, поляки – в Смоленске и в самом сердце Русской земли, в Москве, за твердыми стенами Кремля! Шайки их рыщут по городам и селам, грабят все, чего не дограбили раньше, разоряют то, чего прежде не dokonчили. Казацкие полчища под Москвой, под видом защиты русского дела, ищут только наживы: ватаги их, посылаемые за кормом по волостям, обирают и теснят несчастный люд не меньше поляков... Земля опустошена, святыня поругана, правительства никакого нет, враги-хищники и внутри земли, и по окраинам ее. В довершение всех бедствий настал голод... «И было тогда, – говорит современное сказание, – такое лютое время Божия гнева, что люди и не чаяли впереди спасения себе. Чуть не вся земля Русская заустела... И прозвали старики наши это лютое время *лихолетьем*, потому что тогда была на Русскую землю такая беда, какой не бывало с начала мира: великий гнев Божий на людях, глады, моры, зябели на всякий плод земной. Звери пожирали живых людей, и люди людей ели. Пленение было великое людям! Жигимонт, польский король, все Московское государство велел предать огню и мечу, ниспровергнуть всю красоту благолепия земли Русской...»

Положение дел на Руси в начале 1612 года казалось со-

вершенно безнадежным. Никто в это время не знал, что надо делать, чего держаться. Ведь еще совсем недавно держался Смоленск, и Москва восстала на иноземцев, собралось ополчение для освобождения столицы. А ныне Смоленск пал, Новгород пал, Москва лежала в пепелище, первое ополчение разбежалось, русское посольство к королю превратилось в пленников, только всюду хозяйничали хищные отряды шведов, казаков, поляков, «полковника Лисовского» и других воров. Спротивлялись лишь отряды так называемых «шишей» – озлобленных и разоренных крестьян, собиравшихся в шайки и нападавших при удобном случае на своих грабителей.

Казалось, что Бог навсегда отступился от Русской земли и все потеряно. Но жива была еще в сердцах русских людей горячая вера в Бога, и к Нему с усердной и слезной молитвой стали всюду прибегать люди, «чтобы Он пощадил останок рода христианского» и оградил миром «останок Российских царств и градов и весей».

Все надо было начинать сначала. А для этого необходимо было совершить молитвенный подвиг, и объединить всех русских людей перед лицом общего иноземного и доморощенного врага. Стараниями и молитвами патриарха Гермогена, митрополита Филарета, игумена Троицкого монастыря Дионисия, келаря Авраамия Палицына, старца Иранарха и многих других подвижников в стране начался беспрецедентный общий религиозный подъем. Пребывая неустанно в

молитвенном настроении, некоторые сподобились чудесных видений. Среди них был и земский староста города Нижнего Новгорода Кузьма Минин Сухорук. К нему в видении явился святой Сергий Радонежский и повелел разбудить спящих – собирать казну и ратных людей и с ними идти на очищение Московского государства.

Чудесное видение преподобного Сергия, «игумена земли русской», и слова заключенного в узах патриарха Гермогена зажгли рвением сердце Кузьмы Минина.

В своем воззвании к народу на нижегородском сходе он заявил: «Буде нам похотеть помочи Московскому государству, ино нам не пожалети животов своих; да не токмо животов своих, ино не пожалети и дворы свои продавать, и жены и дети закладывать, и бити челом, кто бы вступился за истинную православную веру и был бы у нас начальником». Его воззвание было услышано, и нижегородцы собрали первую общевойсковую казну. Осталось теперь избрать воеводу. Самы нижегородцы за все Смутное время ни разу не впали в измену, а потому и искали таких же крепких и верных вождей. Их выбор пал на стольника, князя Димитрия Михайловича Пожарского, потомка стародубских князей, который не раз в Смутное время проявил себя как верный сын Отечества и Церкви.

Пожарский в это время залечивал свои раны, полученные в московском восстании весной 1611 г., в своей вотчине, селе Мугреево Суздальского уезда. Он не отказался от пред-

ложения нижегородцев, но при этом поставил одно условие, что желает отделить от себя заведование казной, к чему особенно стремились все военачальники вроде Заруцкого, Трубецкого, и прямо указал, что ею должен заведовать Минин. На что нижегородцы согласились, написав свой знаменитый приговор: «Стоять за истину всем безызменно, к начальникам быть во всем послушными и покорливыми и не противиться им ни в чем; на жалованье ратным людям деньги давать, а денег не достанет – отбирать не только имущество, а и дворы, и жен, и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать, чтобы ратным людям скудости не было».

В октябре 1611 года Дмитрий Пожарский прибыл в Нижний Новгород, куда уже начали стекаться ополченческие отряды из других городов. Так образовалось *Второе земское ополчение*. Первым условием Пожарский поставил отделить свое дело от казаков. Организация Второго ополчения была куда лучше Первого. Во-первых, у него было единоначалие и даже свое правительство, во-вторых, была своя казна. И действовали вожди Второго ополчения куда более осторожно, они не спешили идти к Москве, не собрав достаточное количество воинских людей. Но выступить им все же пришлось из Нижнего Новгорода, но не в Москву, а в Ярославль, который намеривались захватить казаки Трубецкого и Заруцкого, чтобы отрезать ополчение от поморских городов. В Ярославль Второе ополчение вошло 1 апреля 1612 года.

Здесь ополчение простояло четыре месяца, набирая силы.

Тем временем к Пожарскому и Минину пришло известие от Троицких монахов о том, что казаки присягнули на верность псковскому вору Сидорке, признав в нем опять чудом спасшегося царевича Дмитрия, и о кончине в польской неволе патриарха Гермогена (он умер 17 февраля 1612 г. голодной смертью).

Летописец рассказывает, что поляки и московские изменники, услышав о сборе нижегородского ополчения, отправились в заточение к патриарху и потребовали, чтобы он послал грамоту о его роспуске. «Он же, новой великий государь исповедник, рече им: «Да будет те благословени, которые идут на очищение Московского государства; а вы, окажные московские изменники, будете прокляты». И оттоле начаша морити его гладом и умориша его гладною смертью, и предаст свою праведную душу в руке Божий в лето 7120 (1612) году, месяца Февраля в 17 день, и погребен бысть на Москве в монастыре Чуда Архистратига Михаила».

Четыре месяца проведенные в Ярославле, за что многие укоряли Минина и Пожарского в медлительности, не прошли даром. За это время в Ярославль пришло много добрых вестей, например, о бегстве из-под Москвы злейшего врага Пожарского Заруцкого. Он со своими приверженцами, захватив Марину Мнишек с ее сыном, ушел в Коломну, а оттуда дальше на юг. Покинул Москву Гонсевский, сдав командование полковнику Струсю, да и поляков, засевших в Московском кремле, сильно поубавилось: кто погиб в стычках с

казаками и «шишами», кто самовольно уехал из Москвы. К августу 1612 г. польский гарнизон Кремля составлял 3 тыс. чел., что в два раза меньше, чем во время московского восстания весной 1611 года. Также стало известно, что бежал из Пскова «вор Сидорка», но был убит по дороге в Москву. Удалось Минину и Пожарскому заключить союз со шведами на том условии, что, якобы, возможен вариант с избранием на московский престол шведского королевича Карла-Филиппа.

Пожарский рассылал отряды ополчения и воевод в русские города, чтобы они не были заняты бродившими по русской земле отрядами поляков, казаков и шведов и прочих претендентов на чужбинку. Так, по его приказу русский отряд занял Архангельск, что сорвало планы английского короля похозяйничать на русском Севере. Удалось ему настроить против польского короля и германского императора.

При вождях народного ополчения был создан «Совет всея земли», что-то вроде прообраза Земского собора. Это было народное представительство от русских городов, но, конечно, пока далеко не ото всех. Почти вся северо-восточная Русь была под властью «Совета всея земли». Настала очередь освободить Москву, к чему поддакивали следующие обстоятельства.

В начале июля 1612 года до Ярославля дошла весть о том, что польский король снарядил и отправил на Москву отборное двенадцатитысячное войско с большим обозом продо-

вольствия. Войском командовал сам гетман литовский Ян-Карл Ходкевич, весьма опытный полководец. Если Ходкевич вошел бы в столицу, то взять ее было бы большой проблемой. В середине июля Пожарский высылает под Москву два конных отряда по четыреста и семьсот всадников, а затем, 27 июля, выступает все народное ополчение выступило. Возникает вопрос. Какими же воинскими силами располагал Пожарский для освобождения Москвы от интервентов?

Второе народное ополчение имело всего 10 тыс. ратников, пришедших с Мининым и Пожарским освобождать Москву. Это было ополчение от русских городов, и то менее, чем от половины. Оно было представлено в основном купечеством и ремесленниками, дворян и казаков в нем было мало, а это означало, что войско на 80 % было непрофессиональное. Крестьянство вообще в нем отсутствовало, поскольку оно больше всех было разорено шайками воровских людей. Если горожане и монахи могли спрятаться за стенами своих крепостных стен, то крестьянину оставалось только уходить в леса и мстить врагу партизанской войной, что и делали отряды так называемых «шишей».

Если к ополченцам прибавить казаков Трубецкого (2,5 тыс. чел.), стоявших табором под Москвой еще со времен Первого ополчения, то получается, что всего 12,5 тыс. ратных людей готово было воевать за освобождение столицы от поляков. Это в два с половиной раза меньше, чем было в Первом ополчении, и меньше, чем самих поляков (3 тыс.,

засевших в Кремле, и 12 тыс. у Ходкевича). Если учесть, что поляки и другие наемники были профессиональными воинами, то шансов у Пожарского, с военной точки зрения, освободить Москву почти совсем не было. Казаки Трубецкого заняли нейтралитет, но неизвестно было, против кого они могут обратить свое оружие.

Вообще в конце Смутного времени Русская земля очень сильно оскудела ратными людьми. Можно провести такую арифметику. Из летописи известно, что в 1598 году Борис Годунов для отражения мнимого набега крымского хана собрал 500-тысячное войско. В основном это было Поместное войско, собираемое от всех концов Русской земли, а так же стрельцы и городское ополчение. Если принять, что летописец преувеличил число воинских сил Русского государства, то ненамного. Известно, что Иван Грозный в 1552 г. ходил на Казань с 150-тысячным войском, а в Ливонской войне было задействовано до 300 тысяч войск. Но вот уже в начале 1605 года Борис Годунов посылает против Лжедмитрия I от 50 до 60 тыс. царского войска (в основном, стрелецкого) против 15-23 тысячной армии самозванца (в основном, казацкой). В декабре 1606 г. Болотников стоял под Москвой с 80-тысячной крестьянско-казацкой армией. А в июне 1607 года Василий Шуйский собирает против Болотникова 100-тысячное Поместное войско. Это была наибольшая численность царского войска в Смутное время. В дальнейшем Шуйскому не удастся собрать подобные силы, так как русские люди,

и без того обескровленные годами гражданской войны и интервенции, разделились на два враждебных лагеря, сторонников Шуйского и приверженцев Тушинского вора. Ему даже пришлось прибегнуть к помощи Швеции для привлечения на свою сторону наемного войска. Для отражения похода отряда гетмана Жолкевского (12,5 тыс. чел.) Москва смогла набрать всего 48-тысячную русско-шведскую армию (40 тыс. русских и 8 тыс. шведов), которая в битве при Клушино 24 июня 1610 г. потерпела поражение, не без помощи предательства шведов во главе с Делагарди. Первое ополчение собрала в свои ряды 30 тыс. человек земской рати и казаков против 6 тыс. поляков. Второе ополчение имела под стенами Москвы всего 12,5 тыс. воинов Пожарского и Трубецкого против 15 тыс. поляков.

Надежда была на мужество ополченцев, единство казаков и земцев, полководческий талант князя Дмитрия Пожарского и, конечно, на помощь Божию. Ведь не случайно в стане Пожарского была чудотворная икона Казанской Божией Матери, взятая из Казани еще во время Первого ополчения.

В 1611 году, зимой, святая чудотворная Казанская икона Божией Матери была отправлена обратно в Казань, но на пути туда, в Ярославле, ее встретило ополчение из Нижнего Новгорода. Узнав о чудесах, совершенных от иконы в Москве, Второе ополчение взяло ее обратно с собой для освобождения столицы, постоянно молясь перед нею, прося усердную Небесную Заступницу рода христианского о нис-

послании победы.

Самым решающим моментом битвы за освобождение Москвы стало трехдневное сражение с отрядом Ходкевича (12 тыс. чел.) 22-24 августа 1612 года.

Предоставим слово историкам для описания этой битвы. Как писал В.Д. Сиповский в книге «Родная старина», «к вечеру 21 августа явился под Москвой и Ходкевич. С ним был огромный обоз припасов; он намеревался провезти их в Кремль. Ходкевич перешел Москву-реку и двинулся к Кремлю с той стороны, где стояла рать Пожарского (у Арбатских ворот), так что ему первому пришлось выдержать напор врагов. Трубецкой со своими полками стоял в стороне; он выказывал намерение ударить на поляков сбоку; для этого послал даже просить у Пожарского в подмогу себе конницы; тот отправил ему пятьсот отборных воинов. 22 августа поляки напали на русское ополчение. У Ходкевича были лихие наездники-венгры и украинские казаки. Их натиски трудно было выдерживать русскому ополчению, в котором было много новобранцев. Битва началась с первого часа и кипела до восьмого. «Был бой зело крепок, – говорит современник, – хватались за руки с врагами и без пощады секли мечами друг друга». Казаки Трубецкого не двигались, словно им все равно было, кто одержит верх. Некоторые из них, говорят, даже издевались над нижегородцами, приговаривая:

– Богаты пришли из Ярославля и одни могут отбиться от гетмана!

Казалось, будто бы Трубецкому хотелось, чтобы поляки смяли русское ополчение: он даже не пускал в дело и тех конных сотен, которые прислал ему Пожарский; но они рвались в бой: невтерпеж им было видеть, как поляки теснят русских, и они без приказа Трубецкого кинулись на врагов и своим примером увлекли и некоторых казаков. Гетман был отбит и отступил.

Через день, 24 августа, на рассвете, Ходкевич снова напал на русских, теперь уже с той стороны, где стоял Трубецкой. Польский вождь решился во что бы то ни стало прорваться и провезти припасы в Кремль. Нападение было так стремительно, что казаки Трубецкого были смяты и принуждены отступить. Поляки уже стояли неподалеку от Кремля и заняли один острожек (небольшое укрепление).

Нижегородцы приуныли. Надо было немедленно выбить поляков с занятого ими места: иначе они легко могли бы прорваться с помощью осажденных в Кремль. Воеводы земского ополчения послали в казацкие таборы к Трубецкому просить помощи, чтобы общими силами ударить на поляков; но казаки не хотели помогать. Тогда Пожарский послал Авраамия Палицына в стан Трубецкого. Авраамий всячески убеждал казаков, умолял их, даже посулил им раздать всю монастырскую казну, если они пособят Пожарскому. Наконец ему удалось убедить казаков – они помогли нижегородцам; тогда русские с двух сторон ударили на поляков, отбили у них острожек и оттеснили их. Пешие воины засели

по ямам, рвам; всюду, где только можно было, попрятались, чтобы не пропустить в город возов с припасами. Бой был во всем разгаре... Минин попросил у Пожарского несколько сот ратников, перешел реку и стремительно ударил на стоявшие за рекой отряды поляков; те не выдержали, дрогнули и побежали. Ратники, засевшие по рвам и ямам, увидевши, что русские гонят поляков, повыскакивали из засады и ринулись на врагов. Загорелась лютая сеча. Ободренные удачей, бросились в дело и другие русские конные полки. Польское войско было вконец разбито. Ходкевичу оставалось только с остатками своих полков спастись. Несколько сот возов с разными запасами достались победителям. Казаки первые кинулись на добычу и разграбили все дочиста».

Эти дни стали поворотными в русско-польском противостоянии. «Поляки понесли такую значительную потерю, – писал польский историк XVII в. Кобержицкий, – что ее ничем нельзя было вознаградить. Колесо фортуны повернулось, и надежда овладеть целым Московским государством рушилась невозвратно».

Победа под Москвой 22-24 августа сблизила Пожарского с Трубецким. Теперь легче было покончить с польским гарнизоном, засевшим в Кремле. Положение осажденных было ужасно. Во время боя к ним удалось прорваться отряду в 600 человек полковника Невяровского, но не на радость осажденным, ибо новые люди только увеличили нужду и голод.

Пожарский предлагал полякам сдаться, но те отказались,

надеясь, что Ходкевич еще сможет вернуться. Со дня на день положение осажденных все ухудшалось, голод достиг страшных размеров. Осажденные переели всех лошадей, собак, кошек, мышей, они грызли разваренную кожу с обуви. Наконец, стали есть землю, обгрызали в бешенстве себе руки, выкапывали трупы из земли и ели их, предварительно сварив в чанах. Смертность от такой пищи страшно увеличилась.

Из Китай-города поляки были скоро вытеснены, но в Кремле держались еще с месяц – все ждали, не придет ли помощь. Поляки стали сначала выпускать из Кремля боярынь и бояр, которые в качестве заложников были с ними. Казаки хотели было грабить их, но Пожарский не допустил этого, устроив их в безопасное место. Кстати, в числе заложников был и молодой Михаил Феодорович Романов со своей Матерью Марфой. Они вскоре уехали в свое имение Домнино близ Костромы.

Скоро сдались и поляки. Они просили во время переговоров только о том, чтоб их не губили и не отдавали в руки казаков. Пожарский удержал казаков, которые хотели грабить и убивать выходящих из кремля поляков. Пленных поляков разослали по разным городам, и ни одного из них не убили и не ограбили.

25 октября отворились все кремлевские ворота, и русские торжественно вступили в Кремль. Впереди с крестами и иконами в руках шло духовенство, во главе которого был доблестный Дионисий. В Успенском соборе отслужен был тор-

жественно благодарственный молебен.

На другой же день, в воскресенье, русское воинство и все жители Москвы в благодарность за избавление свое от врагов совершили торжественный крестный ход на Лобное место, неся чудотворную икону Казанской Божией Матери, священные хоругви и другие московские святыни.

Впоследствии, при патриархе Филарете, было установлено Церковью ежегодно 4 ноября (22 октября – по ст.ст.) совершать в Москве празднование Казанской иконе Божией Матери с крестным ходом. Сначала крестный ход совершался в церковь Введения Божией Матери на Лубянке, где находился дом князя Пожарского, а по устройению на средства князя Пожарского нового храма в честь Казанской иконы Божией Матери (ныне Казанский собор на Красной площади) крестный ход уже совершается в соборе. Туда же перенесена была самим князем Пожарским и чудотворная икона, бывшая с ним в рядах войска.

Но до этих торжественных дней нужно еще было дожить и еще потрудиться в ратном и земском деле. В частности, русским пришлось вскоре отбить новый поход поляков на Москву.

После освобождения Москвы силами Второго ополчения польский король Сигизмунд стал собирать силы с целью вновь овладеть русской столицей. Но польское дворянство устало от войны и в массе своей не пожелало участвовать в опасном зимнем походе. В результате королю удалось на-

братя для столь серьезной операции всего 5 тыс. чел. Несмотря на явный недостаток сил, Сигизмунд все же не отступил от задуманного и в декабре 1612 г. выступил в поход на Москву. На пути его войско осадило Волоколамск, где стоял гарнизон под командованием воевод Карамышева и Чемесова. Защитники города отвергли предложение о сдаче и доблестно отбили три приступа, нанеся войску Сигизмунда серьезный урон. Особенно отличились в боях казачьи атаманы Марков и Епанчин, которые, по словам летописи, фактически руководили обороной города.

Пока Сигизмунд осаждал Волоколамск, один из его отрядов под командованием Жолкевского отправился с целью разведки к Москве, но был разбит в сражении близ города. Это поражение, а также неудача основных сил под Волоколамском не позволили Сигизмунду продолжить наступление на российскую столицу. Король снял осаду и отступил в Польшу.

Вскоре был разбит и другой враг – Заруцкий; он подошел к Переяславлю-Залесскому, чтобы взять его приступом; но воевода Михаил Матвеевич Бутурлин вышел против него и разбил наголову. После чего Заруцкий, захватив с собой Марину Мнишек с ее сыном и рядом преданных ему казаков, бежал в Астрахань.

Так постепенно очищалось Московское государство от врагов, хотя отдельные их шайки бродили еще долгое время. Наступило, наконец, давно желанное время – закончить великую Смуту, охватившую Родину, избранием всею землею государя.

После смерти Патриарха Ермогена (Гермогена) Русская земля «обезглавилась». «Третий Рим» оказался и без Царя, и без Патриарха. И дело «национальной реставрации» (выражение Л.А. Тихомирова) стало делом всей Русской земли.

Его нужно было начинать с избрания нового царя. Этот вопрос мог решить только Земский собор. «Совет всея земли» – временное правительство, созданное Вторым ополчением, в начале ноября 1612 г. разослал по всем городам приглашение в Москву на Земский собор к 5 декабря. Собор начал свою работу 12 января 1613 года, с этого момента «Совет всея земли» передал свою власть *Земскому собору*. Он был самым представительным из всех Земских соборов. Приехали делегаты от 50 городов (по 10 человек от города, кроме Нижнего Новгорода, который имел преимущество по делегатам за особые заслуги перед Отечеством). Весьма деятельное участие в соборе принимали и представители казачества, собранного под Москвой. В состав Земского собора входил и Освященный Собор из трех митрополитов (Ефрема Казан-

ского, Кирилла Ростовского и Ионы Сарского) и представителей черного духовенства: архиереев, архимандритов и игуменов. Белое же духовенство было представлено выборными от городов: дворянами, детьми боярскими, гостями, торговыми, посадскими и уездными людьми. Не было только на соборе холопов и крепостных крестьян, а также больших бояр, членов Семибоярщины, сидевших вместе с поляками в Кремле. По приказу городов они не были допущены на него.

Собрания Собора проходили в Успенском соборе, так как в Москве в тот период не существовало иного помещения, способного вместить столь многочисленное общество. По заключению историка С.Ф. Платонова, в Соборе приняло участие не менее 700 «делегатов» (при избрании Годунова их насчитывалось 476). Это было действительно «Русское национальное собрание», представители которого особо были озабочены тем, чтобы их решение выразило волю «всей земли».

Собор работал с 12 января по 23 февраля 1613 года. Он решал только один главный вопрос, кому быть новым русским царем. Прежде всего, обсудили вопрос об иноземных кандидатах. Сначала отвергли польского королевича Владислава, признанного было в 1610 году «семибоярщиной» русским царем, и шведского принца Карла-Филиппа, избранного новгородцами на «Новгородское государство». Потом приняли общее постановление – не избирать «царя от инородных», а избрать своего «из великих московских родов».

При этом голоса разделились: каждый называл приятного себе кандидата, и долго ни на ком не могли сойтись. Среди претендентов на русский престол фигурировали лица и роды, напрямую втянутые в политические коллизии Смуты: князь Д.Т. Трубецкой, князь В.В. Голицын, князь Ф.И. Мстиславский, князь Д.М. Пожарский и некоторые другие. Все они отличались древностями рода, но ни у одного из них не было явных преимуществ на трон.

И вот 7 февраля (17 февраля по новому стилю) 1613 г. некий дворянин из Галича от имени земства предложил кандидатуру в государи сына митрополита Филарета, томящегося в польском плену, Михаила Федоровича Романова, потому что он, якобы, ближе всех стоял к угасшей царской династии Рюриковичей. Он приходился двоюродным племянником последнего русского царя из Рюриковичей Федору Иоанновичу. Его кандидатуру поддержал донской атаман. После того как земство и казачество сошлось на Михаиле Романове, боярам пришлось поддержать его кандидатуру, но не без тайного умысла, чтобы влиять на 16-летнего отрока. Один из влиятельных бояр-выборщиков говорил тогда: «Миша Романов молод, разумом ещё не дошёл, и нам будет поваден».

К сожалению, документов о работе этого исторического Собора не сохранилось, и описание его существует только в воспоминаниях современников. Нет имени того самого дворянина из Галича, и даже имени донского атамана, сказав-

шего решительное слово. Но явно это был не Трубецкой, а, скорее всего, Межаков.

На Земском соборе обсуждались и действия казаков. Смешивая чернь и беглых негодяев, окружавших Заруцкого, с донскими и прочими природными казаками, московские люди всячески поносили казачье имя. Другого названия, как «воры-казаки», им не было. Спокойно выслушал все эти обвинения и брань представитель донских казаков, а потом с достоинством объяснил, что донские казаки не могут принять на себя этих обвинений, что они работали только на пользу Москвы, никого не грабили и такими же бедняками и нищими возвращаются домой, какими и пришли с Дона. Он просил не смешивать казаков, пришедших с Дона, с теми негодьями, которые самовольно назвали себя казаками. И там же, на соборе, было постановлено: казаками этих воров не называть, чтобы прямым атаманам, которые служат, бесчестья не было.

Чтобы новый царь был действительно желанным избранником всей земли, решено было разослать по всем городам и уездам надежных людей и расспросить народ о том, как он отнесется к этому выбору. Через две недели посланные возвратились с хорошими вестями, что Михаил Федорович люб на царство. 21 февраля 1613 года должно было состояться последнее заседание собора. На него были приглашены и большие бояре – князь Мстиславский с товарищами своими по Семибоярщине.

И вот 21 февраля 1613 года, в воскресенье, в Неделю православия, «в большом московском дворце, в присутствии, внутри и вне, всего народа от всех городов России», состоялось последнее торжественное заседание Собора. Были собраны мнения от каждого чина, и все они оказались одинаковы: все единогласно указывали, что царем должен быть Михаил Федорович Романов.

Впервые имя боярского сына как единственного лица, достойного царского сана, после падения царя Василия Шуйского летом 1610 года назвал патриарх Гермоген. Никогда не удастся выяснить, каким образом праведному патриарху Гермогену открылась благодатность для Руси нового царя в образе непорочного и не замешанного ни в каких боярских махинациях отрока – Михаила Романова. Но тогда слова Святого Пастыря не были услышаны. Теперь же они приобрели характер великой исторической политической акции. Решение в пользу Михаила Романова оказалось всеобщим. Как справедливо заключил один из авторов, «только внушением Святого Духа можно объяснить столь единодушное решение собрания людей, которые еще год назад смотрели один на другого, как на злейших врагов». Земские люди 1613 года, собравшись на «обирание» Государя, предоставляли «избрать» Царя Господу Богу, ожидая проявления этого избрания в том, что о Своём Помазаннике Он вложит в сердце «всех человецех единую мысль и утверждение». Царя посылает людям Господь, и посылает тогда, когда они сподобят-

ся заслужить Его милость. И удел земных – разглядеть этот промыслительный дар и принять с благодарственной молитвой. Таков высший духовный смысл события, происшедшего 21 февраля 1613 года в Успенском соборе Московского Кремля.

Избрание на Царство Михаила Федоровича Романова Великий Земский собор 1613 г. подтвердил утвержденной грамотой, или соборным уложением (клятвой) на верность Дому Романовых. Вот ее текст: «Послалъ Господь Свой Святыи Духъ въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ, яко едиными усты вопіяху, что быти на Владимірскомъ и Московскомъ и на всѣхъ Государствахъ Россійскаго Царства, Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ всея Россіи Самодержцемъ, Тебѣ, Великому Государю Михаилу Федоровичу.

Цѣловали всѣ Животворный Крестъ и обѣтъ дали, что за Великаго Государя, Богомъ почтеннаго и Богомъ избраннаго и Богомъ возлюбленнаго, Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича, всея Россіи Самодержца, за Благовѣрную Царицу и Великую Княгиню, и за Ихъ Царскіе Дѣти, которыхъ Имъ, Государямъ, впредь Богъ дастъ, души свои и головы положить и служить Имъ, Государямъ нашимъ вѣрою и правдою, всѣми душами своими и головами.

И иного Государя, помимо Государя Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича, всея Россіи Самодержца; и Ихъ Царскихъ Дѣтей, которыхъ Имъ Государямъ впредь Богъ дастъ, искати и хотѣти иного Государя изъ какихъ людей ни

буди, или какое лихо похочеть учинити; то намъ боярамъ и окольничьимъ и дворянамъ и приказнымъ людямъ и гостемъ и дѣтямъ боярскимъ, и всякимъ людямъ на того измѣнника стояти всею землею за одинь.

Прочтоша сію Утвержденную Грамоту на Великомъ Всероссийскомъ Соборѣ, и выслушавъ на большее во вѣки укрѣпленіе – быти такъ во всемъ по тому, какъ въ сей Утвержденной Грамотѣ писано. А кто убо не похочеть послушати сего Соборнаго Уложенія, его же Богъ благослови; и начнетъ глаголати ино, и молву въ людяхъ чинити, то таковой, аще отъ священныхъ чину, или отъ Бояръ, Царскихъ синклить и воинскихъ, или инь кто отъ простыхъ людей, и въ какомъ чину ни буди; по священнымъ правиламъ Св. Апостоль и Вселенскихъ седми Соборовъ Св. Отець и Помѣстныхъ; и по Соборному Уложенію всего изверженъ будетъ, и отъ Церкви Божіей отлученъ, и Святыхъ Христовыхъ Тайнъ приобщенія; яко раскольникъ Церкви Божіей и всего Православнаго христіанства, мятежникъ и ризоритель Закону Божію, а по Царскимъ Законамъ мечь вопріиметь; и нашего смиренія и всего освященнаго Собора, не буди на немъ благословенія отъ нынѣ и до вѣка. Да будетъ твердо и нерушимо въ предъидущія лѣта, въ роды и роды и не преидеть ни едина черта отъ написанныхъ въ ней.

А на Соборѣ были Московскаго Государства изо всѣхъ городовъ Россійскаго Царства власти: митрополиты, епископы и архимандриты, игумены, протопопы и весь освящен-

ный Соборъ. Бояре и окольничіе, чашники и стольники и стряпчіе, думные дворяне и діяки и жильцы. Дворяне большіе и дворяне изъ городовъ. Діяки изъ приказовъ. Головы стрѣлецкіе, и атаманы казачьи, стрѣльцы и казаки торговые и посадскіе и великихъ чиновъ всякіе служилые и жилецкіе люди; и изъ всѣхъ городовъ, всего Россійскаго Царства выборные люди».

Каково же было происхождение рода Романовых? Известно, что Романовы – младшая ветвь одного из древнейших московских боярских родов Кошкиных – Захарьиных – Юрьевых. В самых ранних родословных XVI – XVII веков все единодушно называли прародителем рода Андрея Ивановича Кобылу, боярина великого князя Симеона Гордого, жившего в XIV веке. Сын его, Феодор Андреевич Кошка, – отсюда прозвище Кошкины – выполнял важные поручения при великокняжеском дворе. В 1391 г. он выдал свою дочь за сына великого князя Михаила Александровича Тверского; впоследствии брачные связи с домом Рюрика часто возобновлялись. В конце правления Василия III (1425–1462) князь Василий Васильевич Шуйский занял первое место в чиновничьей иерархии, а второе – Михаил Юрьевич Кошкин. Многочисленное потомство Кобылы распространилось, кроме того, на двадцать других боярских и дворянских родов: Шереметевых, Жеребцовых, Беззубцевых, Колычевых, Ладыгиных и др. Впоследствии Кошкины именовались Захарьиными, потом Юрьевыми, наконец Романовичами или

Романовыми. Обычай долго требовал, чтобы к прозвищу лица прибавлялись прозвище одного или нескольких ближайших предков, с окончанием, указывающим на отчество. Никита Романович Захарьин-Юрьев, т. е. сынъ Романа, происшедшего от Юрия и Захара, имел сестру, Анастасию Романовну, – это была первая жена Ивана Грозного. Сам Никита был женат первым браком на Варваре Ивановне Ховриной, а вторым – на Евдокии Александровне, дочери Александра Борисовича Горбатого-Шуйскаго; он имел от нее сына Федора, в иночестве Филарета. В Москве Федор Никитич слыл первым шеголем, и про человека, умевшего красиво носить одежду, говорили: он точно Федор Никитич. Федор Никитич был женат на Ксении Ивановне Шестовой, у них родился сын Михаил, который стал представителем 9-го поколения рода Романовых. При Борисе Годунове род Романовых едва не был изведен по подозрению в ведовстве. Тогда отец Михаила, Федор Никитич, был насильно пострижен и отправлен в монастырь, так же поступили и с матерью, а 5-летнего Михаила сослали на Белоозеро, где он оказался под опекой тетушек. Как известно, в конце Смутного времени Михаил Романов и его мать, в иночестве Марфа, оказались в Московском Кремле, и были освобождены только Вторым ополчением Минина и Пожарского, после чего они удалились в свое имение – село Домнино близ Костромы. Отец же его, митрополит Филарет, томился в польском плену.

Теперь собору оставалось совершить только одно дело:

испросить согласие на принятие царского венца у самого новоизбранного царя. Из Москвы было отправлено посольство в Ипатьевский монастырь в Костроме, куда переместился в целях безопасности Михаил Романов со своей матерью – инокиней Марфой. Между тем юный избранник всего Московского государства чуть не погиб от вражеских рук и был спасен самоотверженной преданностью одного из своих верных слуг.

2 марта 1613 года совершил свой подвиг костромской крестьянин, староста села Домнино Иван Сусанин. Он берется показать дорогу отряду поляков, которые разыскивали молодого царя. Сусанин заводит поляков в лесную чащу и тем спасает жизнь царя Михаила, за что и поплатится своей собственной жизнью – рассвирепевшие поляки изрубят Сусанина на куски.

В 1619 году царь Михаил и его мать, великая инокиня Марфа Иоанновна, на пути из Москвы в Макаријево-Унженский монастырь посетили свою домнинскую вотчину, а по возвращении в первопрестольный град государь выдал потомству Сусанина жалованную грамоту, донныне являющуюся основным документом, повествующим о его героической кончине: «И он, Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем, польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, а польские и литовские люди замучили его до смер-

ти».

Когда торжественное посольство от Земского Собора, прибыв в Ипатьевский монастырь, объявило Михаилу Феодоровичу волю народа о призвании его на русский Престол, юный Романов и его мать наотрез отказались от этого тяжкого бремени. Тогда архиепископ Феодорит, взял в руки икону Феодоровской Божией Матери, семейную икону Романовых, и сказал: «Если не склоняетесь на милость ради нас, то послушайте ради чудотворного образа Царицы всех». Пред святою иконою Михаил дал согласие, и тогда инокиня Марфа подвела сына к чудотворному Феодоровскому образу и, пав на колени, со слезами сказала: «Да будет воля Твоя, Владычице! Се Тебе, Пречистая Богородица, предаю чадо свое: наставь его на путь истины, на благо себе и Отечеству».

Так 14 марта 1613 г. шестнадцатилетний Михаил Феодорович, представитель издревле блиставшего своим благородством и государственными заслугами боярского рода Кобылиных-Кошкиных-Захарьевых-Юрьевых-Романовых, внучатый племянник незабвенной царицы Анастасии Романовны и сын великого своей преданностью Родине и православию митрополита Филарета Никитича, по благословению родительницы своей, инокини Марфы, стал Государем всея Руси.

Перед лицом нового Государя произошло всеобщее примирение тушинцев, казаков и земцев. Об этом, например, говорит такой факт, что в новую Боярскую думу вошли такие

прежде непримиримые соперники, как глава земского ополчения князь Дмитрий Михайлович Пожарский, тушинский боярин и казачий атаман князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, старейший из всех боярских родов Федор Иванович Мстиславский, который, хотя и по принуждению Гонсевского, но все же служил в последние годы польскому королю Сигизмунду III.

19 марта 1613 г. новый Государь вместе с матерью выступил из Костромы в Москву, чтобы торжественно венчаться на царство. Но путь в Москву царского каравана был долог. Нужно было как-то привести в порядок первопрестольную, которая после хозяйничанья там поляков лежала в полном запустении. Кроме того, на дорогах было беспокойно, еще действовали отдельные польские и казачьи разбойные отряды. Только 2 мая 1613 года Михаил Федорович со своей матерью торжественно вступил в столицу.

Венчание на царство было назначено на 11 июля, 10 июля по всем церквам были отслужены всенощные. 11 (21) июля 1613 года в Успенском соборе Кремля по древнему чину было совершенно венчание на царство Михаила Федоровича Романова – первого царя династии Романовых. Интересен сам момент чина-распределения при царском венчании. Первую регалию, корону (шапку Мономаха), держал дядя царя, Иван Никитич Романов, хотя на это место претендовал Трубецкой, сам же Трубецкой держал вторую регалию – скипетр, третью регалию – яблоко владомое, великодержав-

ное, держал Пожарский.

Но, вопреки местническим привычкам, народ хорошо знал, кто был подлинным героем Смутного времени. Это князь Дмитрий Михайлович Пожарский, «выборный от земли», и нижегородский посадский человек Козьма Минин Сухорук, а также вдохновивший его своим пастырским словом неборимый и твердый адамант – святейший Патриарх Гермоген, ныне причтенный нашею Церковью к лику святых, настоятель Троице-Сергиевой Лавры Дионисий, келарь Авраамий Палицын, костромской крестьянин Иван Сусанин и многие другие безымянные герои русского национального сопротивления.

Потомство достойно отблагодарило их своей памятью. 4 марта (20 февраля по ст. ст.) 1818 г. в Москве в присутствии всей царской фамилии и при громадном стечении народа был открыт памятник Минину и Пожарскому, сделанный по проекту скульптора Мартоса и отлитый из бронзы художником Екимовым. Средства на памятник собирались всей Россией по всенародной подписке. На лицевой стороне пьедестала вызолочена надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия». На фрагменте памятника Тысячелетия России в Великом Новгороде изображены Дмитрий Пожарский, Михаил Романов и Косма Минин. В Нижнем Новгороде 4 ноября 2005 года был открыт памятник Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому. Русский народ свято чтит память и другого своего героя – Ивана Су-

санина. О его подвиге будет написана опера Глинки «Жизнь за царя». В советское время название не понравится, и опера будет названа «Иван Сусанин», а главную площадь Костромы, именовавшуюся Сусанинской, украсил памятник домнинскому крестьянину, открытый в 1851 году.

С момента венчания на царство Михаила Романова закончилось на Руси Смутное время, имевшее прелюдию в царствование Бориса Годунова, и 10 лет основной смуты от появления первого самозванца до избрания на царство Михаила Романова. Но оставалась еще послесловие Смуты. Прежде чем приступить к восстановлению Российского государства, нужно было очистить окончательно Русскую землю от всевозможных воровских шаек и решить спорные вопросы с Польшей и Швецией.

Самым опасным человеком, оставшимся от Смуты, был Иван Заруцкий. Еще летом 1612 г. с отрядом в 2-3 тыс. казаков он покинул московский лагерь, захватив с собой супругу двух Лжедмитриев, Марину Мнишек, и ее сына Ивана.

Заруцкий в 1613 г. пытался вновь поднять против Москвы южные районы России. Но население, убедившееся на протяжении последних страшных лет в губительности междоусобиц, не поддержало атамана. В мае 1613 г. в сражении под Воронежем Заруцкий потерпел поражение от войска во-

еводы Одоевского и отступил еще дальше на юг. Атаман захватил Астрахань и решил создать там самостоятельное государство под покровительством иранского шаха.

Но казаки, уставшие от смуты и привлеченные посулами новой московской власти принять их на службу, не поддержали атамана. Жители Астрахани относились к Заруцкому с открытой враждебностью. Отказал в помощи и иранский шах, не желавший ссориться с Москвой. Не имея никакой серьезной поддержки, Заруцкий с Мариной Мнишек бежал из Астрахани при известии о приближении к городу правительственных войск. Грозный в прошлом атаман был вскоре разбит небольшим отрядом (700 чел.) царского воеводы Василия Хохлова. Заруцкий пытался укрыться на реке Яик, но его выдали властям местные казаки.

25 июня 1614 г. Заруцкого, Марину Мнишек, маленького Ивана и еще несколько человек под усиленной охраной отправили в Москву. Здесь Заруцкий казнили, его посадили на кол. Сына Марины, несмотря на его нежный возраст, повесили на той же виселице, на которой раньше испустил свой злодейский дух Федька Андронов. Сама Марина была заключена в тюрьму, где вскоре скончалась. Таким образом, был ликвидирован наиболее опасный очаг внутренней смуты.

Но оставались враги внешние. В 1614 г. Русская земля опять увидела на юге крымские и ногайские орды: идя на Москву, они были под Тулой и разорили многие тульские

места. При этом надо обратить внимание, что в самые критические годы Смутного времени крымские и ногайские татары не беспокоили Русское государство. Последнее крупное нашествие крымцев было в 1591 году. Видно, Божья воля и покров Пресвятой Богородицы хранили нашу землю от этого сильного и хищного врага во времена лихолетья.

Летом того же 1614 г. польско-литовский конный отряд под командованием полковника Лисовского (3 тыс. чел.) совершил глубокий рейд по российским землям. Рейд начался из района Брянска. Затем Лисовский подошел к Орлу, где сразился с войском князя Пожарского. Поляки опрокинули русский авангард воеводы Исленьева, но стойкость оставшихся с Пожарским воинов (600 чел.) не позволила Лисовскому развить успех. К вечеру к месту боя возвратились бежавшие части Исленьева, и отряд Лисовского отошел к Кромам. Затем он двинулся к Вязьме и Можайску. Вскоре Пожарский занемог и отправился на лечение в Калугу. После Пожарского его отряд распался, ратные люди разбрелись по домам, и Лисовский смог беспрепятственно продолжить свой поход.

Путь его пролегал через Костромскую, Ярославскую, Муромскую и Калужскую области. Лисовский обходил большие города, опустошая их окрестности. В погоню за неуловимым отрядом было послано несколько воевод, но им нигде не удалось преградить ему путь. Близ города Алексина Лисовский имел стычку с войском князя Куракина, а затем покинул рос-

сийские пределы. Успехи «лисовчиков» свидетельствовали не только о талантах их вождя, но и о тяжелом состоянии России, не способной пока эффективно защитить себя от набегов.

Еще в 1611 году шведы захватили Новгород и все русское побережье Балтийского моря.

В 1614 г. новое московское правительство возобновило военные действия против шведов, стремясь отбить у них Новгород. К городу было отправлено войско под командованием князя Дмитрия Трубецкого. Дойдя до Бронниц (30 км к юго-западу от Новгорода), бывший соратник Заруцкого встал там лагерем. В русском стане царила атмосфера времен Первого ополчения. Никто не хотел никому подчиняться. Воеводы ссорились друг с другом, а рядовой состав занимался грабежами окрестных деревень. Воспользовавшись разложением русского войска, Делагарди 14 июля 1614 г. нанес Трубецкому сильное поражение и блокировал его лагерь, в котором вскоре начался голод. Узнав об этом, царь Михаил Федорович велел Трубецкому отступать к Торжку. При прорыве из окружения русские понесли большие потери. По свидетельству летописи, воеводы едва ушли пешком. Неудача под Новгородом позволила новому шведскому королю Густаву-Адольфу активизировать военные действия и овладеть в сентябре 1614 г. сильной крепостью Гдов, которая прикрывала с севера дорогу на Псков.

Более удачно сложилась для русских оборона Тихвинско-

го монастыря, где горстка героев остановила натиск профессионального войска. Первая попытка Делагарди овладеть монастырем в 1613–1614 гг. была отражена монахами и окрестными жителями. 14 сентября 1614 г. Делагарди снял осаду. В 1615 г. шведы еще раз попытались овладеть монастырем, но вновь потерпели неудачу. Согласно легенде, отразить грозный натиск православным воинам помогло заступничество знаменитой Тихвинской иконы Божией матери, находившейся в монастыре. Предание гласит, что монахи, испугавшись поначалу численности шведской армии, решили покинуть монастырь и забрать с собой в Москву образ Богоматери Тихвинской. Но когда они попытались взять икону, никто не смог сдвинуть ее с места. Тогда вместе с иконой остались в монастыре и его защитники.

Кульминацией русско-шведской борьбы в 1614–1615 гг. стала героическая оборона Пскова. На следующий год после взятия Гдова шведский король Густав-Адольф двинулся на Псков. 30 июня 1615 г. его войско (16 тыс. чел.) осадило эту крепость, которую защищал гарнизон под командованием воевод Морозова и Бутурлина. Попытка шведов взять город с ходу окончилась неудачей. Их первый натиск был отражен с большими потерями. Среди убитых оказался и новгородский наместник, фельдмаршал Эверт Горн.

Тогда король перешел к осаде, создав вокруг города ряд укрепленных траншеями лагерей. 9 октября, выпустив по городу 700 зажигательных ядер, шведы пошли на генеральный

приступ псковских укреплений. Но и он потерпел полную неудачу. Защитники крепости геройски отразили все атаки, нанеся нападающим значительный урон. После поражения под Псковом Густав-Адольф не решился затягивать военные действия. Швеция планировала возобновить борьбу с Польшей за Прибалтику и не была готова к затяжной войне с Россией.

Убедившись в твердости русских, шведское правительство при посредничестве Англии вступило с ними в мирные переговоры. Они завершились подписанием Столбовского мира (1617). Швеция возвращала России Новгород, но оставляла за собой Корелу, Ивангород, Ям, Копорье, Орешек. Новгородская земля не стала шведским протекторатом, но Россия полностью теряла выход к Балтийскому морю. Столбовский мир увенчал успехом многовековые усилия Швеции. Отныне русско-шведская граница на западе стала проходить по речке Лавуя (восточнее Орешка). «У России отнято море, и, Бог даст, теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек», – так выразил Густав-Адольф суть подписанного соглашения.

Выяснив отношения со Швецией, правительство Михаила Романова решило и польско-русские противоречия. Польша не оставила попытки посадить на русский престол королевича Владислава, поэтому осенью 1618 года 30-тысячное войско (10 тыс. поляков, 20 тыс. украинских казаков) во главе с Владиславом выступило в поход на Москву. 20 сентября

польская армия приблизилась к российской столице и стала лагерем в знаменитом Тушино. В это время с юга к Донскому монастырю подошли отряды украинских казаков (подданных Польши) во главе с гетманом Сагайдачным. Москвичи попытались воспрепятствовать его соединению с Владиславом, но на них, по словам летописца, напал такой страх, что они без боя пропустили войско гетмана в Тушино. Ужас горожан увеличила комета, которая в те дни стояла над городом.

Тем не менее, когда поляки в ночь на 1 октября пошли на приступ Москвы, они встретили достойный отпор. Наиболее жаркий бой разгорелся у Арбатских ворот, где отличился отряд стрельцов во главе со стольником Никитой Годуновым (487 чел.). После яростной схватки он сумел отразить прорыв польских частей под командованием кавалера Новодворского. Потеряв в этом деле 130 чел., поляки отступили. Их приступ к Тверским воротам также не принес успеха. После неудачного штурма начались переговоры, и вскоре утомленные борьбой противники (поляки вели тогда войну с Турцией и уже начинали новое столкновение со Швецией) заключили перемирие.

Так называемое Деулинское перемирие было заключено 11 (1) декабря 1618 года в селе Деулино, близ Троице-Сергиева монастыря. Оно устанавливало перемирие между Русским государством и Речью Посполитой на 14,5 лет. В состав русской делегации входили бояре Ф.И. Шереметев, Д.И. Ме-

зецкий, окольный А.В. Измайлов и другие, польское посольство возглавляли А. Новодворский, Л. Сапега, Я. Гонсевский. Чтобы получить передышку, русское правительство было вынуждено уступить Польше смоленские (за исключением Вязьмы), черниговские, новгород-северские земли с 29 городами, в том числе Смоленск. После Деулинского перемирия был проведен обмен пленными, в результате которого в Москву вернулся находившийся в плену отец царя Михаила Романова митрополит Филарет и другие высокопоставленные пленники. Но среди них не было Василия Шуйского, он умер в польском плену 12 сентября 1612 года.

С возвращением в Москву митрополита Филарета на Руси фактически стало два государя: Михаил – сын, Филарет – отец. 24 июня 1619 года Филарет принял «вдовствующий» святительский престол и возведен был на степень Патриарха Московского и всея Руси. Государственные дела решались обоими, отношения между ними, по данным летописей, были дружелюбными, хотя Патриарх имел большую долю в правлении. С приходом Филарета, можно сказать, окончательно закончилось Смутное и безвластное время на Руси.

Итак, страна смогла, наконец, приступить к мирной жизни после 15 лет мятежей и войн, последствия которых были катастрофическими. За этот период от голода, болезней, братоубийственной войны, интервенции и отторжения территорий Россия (по некоторым оценкам) потеряла около половины населения. Она представляла искаленную страну, каз-

на которой была пуста, хозяйство разорено, а жители перебиты или ограблены. За эти годы многие люди сменили труд на грабеж, потеряли нравственные ориентиры и, как точно выразилась мать царя Михаила – инокиня Марфа, «измалодушествовались». Потребовались десятилетия медленного, тяжелого восстановления того, что было так скоро потеряно, порушено и разграблено.

Помимо внутреннего оскудения и разорения, смута имела не менее тяжелые внешние последствия. Поляки отбросили русских на западе к рубежам конца XV в., а шведы – от берегов Балтийского моря. В результате российские границы отодвинулись к востоку на 100-200 км. На юге была разрушена система засечных укреплений. Прахом пошли усилия не одного поколения россиян. Потеряны были не только ценные земли, но и международный престиж. Позиции в Европе, утраченные за десять лет, восстанавливать пришлось в течение целого столетия. Это потребовало привлечения крупных ресурсов и огромного напряжения сил нации.

Каковы же были нравственные и политические уроки Смутного времени? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вначале определить хронологическую периодизацию Смутного времени. По классической схеме, Смутное время длилось на Руси десять лет, от появления первого самозванца

(осень 1604 г.) до избрания на царство Михаила Романова (лето 1613 г.). Но у Смутного времени была прелюдия и послесловие.

Прелюдия началась весной 1591 года и закончилась осенью 1604 года с вторжением в пределы Российского государства польско-казачьего отряда Гришки Отрепьева (Лже-Дмитрия I). Началом и вообще толчком Смутного времени стало убийство в Угличе 15 мая 1591 г. царевича Дмитрия. В канву истории богохранимой страны вошел грех цареубийства. За это сразу последовала неминуемая расплата (6 июня 1591 г. в Москве начался страшный пожар, причем выгорел весь Белый город, а 4 июля 1591 года под Москвой появились орды крымских татар Сафа-Гирея, которых с Божьей помощью удалось отбить). Избрание на престол в 1598 году, после смерти последнего представителя царствующей династии Рюриковичей – Федора Иоанновича, Бориса Годунова, прямого или косвенного виновника убийства царственного отрока, принесло Русской земле новые бедствия: трехлетний голод, от которого вымерла треть населения страны, а главное произошел сдвиг сознания русского народа от созидательной деятельности к разбою и разного рода авантюрам. Примером тому явилось появление разбойных отрядов под Москвой (только отряд атамана Хлопка (Косолапа), грабивший на южной дороге, составлял 20 тыс. чел., волнение служивых людей на юге государства и, что самое опасное полное отсутствие авторитета царской власти в лице Бориса Го-

дунова у народа.

Вся эта 13-летняя прелюдия Смуты вылилась в ее коренную часть, длившуюся 10 лет и принесшую неисчислимые бедствия русскому народу. Но и после избрания на царство Михаила Романова новому московскому правительству пришлось пять лет устранять последствия Смуты.

Этот страшный период времени был вызван грехом царубийства, а затем клятвопреступлением, подогреваемым иностранным вмешательством, алчностью и властолюбием вождей и разделением народа (особенно земства и казачества). Что же, в конце концов, уладило Смуту?

Победа пришла только тогда, когда религиозные чувства русского народа возобладали над честолюбием и алчностью. Когда поляки после захвата Москвы и падения Смоленска уже праздновали полную победу над Россией, «Сигизмунд и поляки, – по словам А.Д. Нечволодова, – не обратили внимания, что Московское государство было вместе с тем и Церковью верующих, третьим Римом, и этот третий Рим, незримый для их очей, остался в полной неприкосновенности.

Гетман Жолкевский с недоумением рассказывает в своих «Записках», что при сожжении поляками Москвы и Смоленска многие из москвитян «добровольно бросались в пламя, за православную, говорили они, веру», – очевидно, считая, что они делали это под влиянием охватившего их безумия.

Старый гетман, обладавший тонким умом и огромной жизненной опытностью, помогшими ему обойти седмочислен-

ных бояр и ввести польские войска в Кремль, что привело к полному упразднению государственной власти в Москве, — не понял, однако, что москвитяне, кидавшиеся в пламя, были одержимы тем безумием, про которое говорит Апостол: «Будь безумным, чтобы быть мудрым, ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом» (Первое Послание ап. Павла к Коринфянам, III, 18, 19).

Это безумие привело сперва «за пристава», а затем и к голодной смерти или к удушению восьмидесятилетнего святого Гермогена. Но православные обитатели Московского государства чутко прислушивались к глухо раздававшемуся из подземелья голосу своего духовного отца и укреплялись его пастырским словом в том же безумии.

Конечно, безумны, с точки зрения мудрости мира сего, беспримерная оборона обители Живоначальной Троицы преподобного Сергия, а также письмо соловецкого игумена к королю Карлу IX из сопредельного со шведскими владениями Сумского острога о нежелании видеть иноземца на царстве, написанное после того, как соловецкие иноки отправили свой последний рубль и последнюю серебряную ложку на вспоможение Московскому государству.

Отписки городов друг другу, пересылавшиеся при посредстве «бесстрашных людей» по стране, где кишели польские и воровские отряды, являются самым драгоценным для нас памятником того безумия, охватившего обитателей Московского государства, каковое безумие, по словам Апосто-

ла, есть мудрость перед Богом. В этом безумии открывается полностью все величие «прямых» русских людей, выступивших на смену «кривых» своих соотечественников для спасения Родины».

Религиозное чувство, охватившее все слои русского населения, подняло крестьянство на партизанскую войну («шиши») против оккупантов, к созданию земских ополчений, к примирению земцев с казачеством, и, наконец, к единодушному избранию нового царя. В единстве народа зародилась победа над собственным малодушием и иноземной интервенцией.

Для русского человека была неприемлема зарубежная свобода и вольности других держав. Так, некий поляк Маскевич с удивлением отмечал в своих дневниках: ««В беседах с москвитянами наши, выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом польским и также приобрести свободу. Но русские отвечали: «Вам дорога ваша воля, нам – неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого – может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия, по вашим законам, долго, дело затянется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмешь. У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе Царь творит суд и расправу. Если же сам Государь поступит неправосудно – его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от Царя, чем от своего брата: ибо он – владыка всего

света». Русские действительно уверены, что нет в мире монарха, равного царю их, которого по сему называют: «Солнце праведное, Светило русское».

21 февраля 1613 года Великий Земский собор единодушно избрал своим «Солнцем праведным, Светилом русским» не кого-либо из сильных мира сего, подыскивавших себе царств, а шестнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова.

Избрание на царство Михаила Романова Земский собор 1613 года подкрепил утвержденной Грамотой, или Соборным уложением (клятвой) на верность Дому Романовых. Митрополит Иоанн Снычев пишет: «Особенно ярко понимание религиозного смысла произошедшего проявляется в заключительных словах соборной клятвы, данной народом на Совете Всея Земли. Преступление против государства и государя признается в ней равно преступлением церковным, религиозным, направленным против промыслительного устроения земли Русской и достойного самых тяжелых духовных кар. «Если же кто не похощет послушати сего соборного уложения, – говорит клятва, – которое Бог благословил, и станет иное говорить, таковой, будь он священного чину, от бояр ли, воинов или простых людей – по священным правилам Святых Апостолов и Седьми Вселенских Соборов... да будет извержен из чину своего и от Церкви Божией отлучен, и лишен приобщения Святых Христовых Тайн, как раскольник Церкви Божией и всего православного христианства

мятежник... и да не будет на нем благословения отныне и до века, ибо, нарушив Соборное уложение, сам попал под проклятие».

Не под этими ли клятвами ходим мы и до сей поры, люди русские? Ужели водовороты страшной смуты XX века не заставят нас оглянуться на века минувшие, дабы усвоить их уроки? Дай нам Бог силы и разума, веру и жажду истины и праведности, которые не раз помогали уже предкам нашим выходить из самых затруднительных положений!».

Русский историк и краевед И.П. Сахаров, подводя итоги Смутного времени, писал: «Любовь к Отечеству, без всякого сомнения, желала б навсегда истребить из русской славы таковые постыдные напоминания; но истина, как верный вождь истории, откровенно принуждает говорить к потомству. Пускай ужасные примеры предков научают его. Пускай узнает оно, до чего доходит народ, удаляющийся от веры и Бога».

Как хочется провести параллели между той 400-летней давности и нашей современной многомятежной и многошумной жизнью. Но пусть об уроках начала XXI века напишет другой исследователь.